S 39/369

№ 369

Стенька Разинъ

Волжскій Атаманъ

Складъ изданія у А. К. Касаткина.
Книжная торговля. Спб. Невскій, 107.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 13 августа 1899 г.

Типо-Литографія (Барона Кригенеръ), Лиговская ул., 57.

Донская степь.

I.

Донская степь.

Въ доисторическія времена Донская степь была дномъ морскимъ. Здѣсь находился широкій проливъ, соединявшій Черное море съ Каспійскимъ, которое въ свою очередь соединилось черезъ киргизскую степь съ Аральскимъ моремъ, а это послѣднее уже уходило на востокъ на воссоединеніе съ моремъ Девонскимъ, занимавшимъ собою всю современную Сибирь вплодь до Тихаго океана, который тогда черезъ эту водную систему природы соединялся черезъ Черное и Средиземное моря съ Атлантическимъ океаномъ. Но съ путемъ времени этотъ проливъ пересохъ и морское дно стало называться въ наше время Донской степью, нося это названіе отъ

рѣки Дона, несущей свои воды въ Азовское море съ сѣверной ея стороны. Свидѣтелями этого широкаго пролива между Чернымъ и Каспійскимъ морями теперь могутъ служить манычи (озера), значительными водоемами раскинувшіеся почти по всей средне-Донской степи.

Эта степь могла бы повѣдать намъ многія историческія событія. Она была свидѣтельницей движенія (здѣсь) полчищъ гуновъ, населившихъ потомъ нынѣшнюю Венгрію; здѣсь-же прошли арабы культиваровать Среднюю Азію и насаждать тамъ свою цивилизацію вплоть до долины рѣки Мургаба, гдѣ теперь, благодаря взятію М. Д. Скобелевымъ текинской крѣпости «Геокъ-Тепе» въ въ 1881 году, вслѣдъ за паденіемъ которой Мевръ былъ присоединенъ къ Россіи, находится при бывшей арабской платинѣ, еще 1000 лѣтъ тому назадъ устроенной для цѣлей ирригаціи (обводненія) степи, мѣстности «Султанъ-Бентъ» обширное имѣніе нашего (русскаго) удѣльнаго вѣдомства. Донская степь также была свидѣтельницею и великаго побоища московскаго князя Дмитрія, впослѣд-

ствіи прозваннаго Донскимъ, съ дикими полчищами Мамая, нашедшими тогда (500 лѣтъ назадъ) на слабую русскую землю съ цѣлью ея порабощенія въ свою азіатскую кабалу. Хотя при помощи святаго благословенія угодника Божія Сергія Радонежскаго чудотворца и его инока-богатыря Дмитрій Донской и разбивъ на голову полчища Мамая, но онъ этимъ все-таки не положилъ конецъ татарскому нашествію на Россію, а только еще болѣе закрѣпивъ за нашимъ бѣднымъ отечествомъ монгольское иго.

Отсюда уже Донская степь начинаетъ кишеть татарской ордою, здѣсь же постоянно создаются шайки полудикарей для вторженія ихъ въ русскую слабую землю. Съ востока астраханско-казанская орда, а съ запада—крымская татарва со своими союзниками—степняками съ трехъ сторонъ тревожатъ русскія владѣнія удѣльныхъ князей.

И русской крови на донскихъ степяхъ пролито цѣлыя могучія рѣки. Она возростила здѣсь свой сочный ковыль и накормила имъ многія милліоны головъ разнаго степнаго скота. Удобренная, такимъ образомъ Дон-

ская степь дала пріютъ громаднымъ стадамъ многихъ человѣческихъ поколеній за всѣ предшествовавшія столѣтія.

Широкое раздолье степи всегда манило къ себѣ всѣхъ людей своимъ обширнымъ приволь-емъ... Раскинувшись на цѣлыя сотни верстъ вокругъ, она влекла сюда каждаго степняка и вольнаго духомъ человѣка... Находя здѣсь общій пріютъ для себя, люди эти шли въ степь подышать на просторѣ воздухомъ... Увлечься этимъ не могъ лишь тотъ, кто не зналъ, что такое степь вообще.

Я побывалъ за Ураломъ и за Дономъ въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія и не могу забыть этой привольной шири, манившей меня къ себѣ ея безконечнымъ раздольемъ.— Что-то волшебное лежитъ въ степи и влечетъ къ себѣ всѣхъ страждующихъ духомъ людей... Какая-то очаровательная сила развилась здѣсь по этимъ равнинамъ и приковываетъ къ нимъ каждый взоръ путника. Такъ бы вотъ и не оторвался отъ этихъ степей своимъ взоромъ, такъ-бы вотъ и потонулъ имъ здѣсь вѣчно, безъ конца.

Эта притягательная сила степи, такъ мо-

гуча такъ сильна своимъ очарованіемъ, что ее забыть нельзя...

Таинственный ли духъ влечетъ васъ сюда своей невѣдомой силою или та физическая мощь степи, которая даетъ вамъ случай укрыться здѣсь въ тучномъ, высокомъ, какъ мелкій лѣсъ, ковылѣ совсѣмъ своимъ домомъ, скотомъ и заботами....

Я не могу себѣ объяснить этого чувства, которое меня обуяло здѣсь, но передаю его только такъ, какъ воспринявъ въ себя.—Здѣсь какъ то и дышется вольной грудью, и рѣчь идетъ свободней, и силы мыслили и мышцъ бьются безъ конца, безъ устали...

Все то у васъ здѣсь сливается въ одномъ понятіи о величіи творца неба и земли и вы уходите въ него всей своей особой. Сознаніе ваше тутъ о долгѣ—чести переходитъ въ какой-то душевный трепетъ и вамъ вдругъ хочется жить, хочется любить человѣка, жить для блага міра, для того, что уже намъ завѣщано въ заповѣди Господней.,.

Такое чувство производитъ на человѣка степь, такое сознаніе я здѣсь испытавъ на себѣ. Было ли это индивидульной особен-

ностію моей личности или общимъ сознаніемъ всѣхъ, я не знаю, но передаю лишь то, что я чувствовалъ, сознавалъ, будучи въ степи, любуясь ея широкимъ просторомъ, упиваясь ея душистой природой, все оживляющимъ дуновеніемъ легкаго вѣтерка, дыханіемъ пахучихъ цвѣтовъ и благоуханіемъ атмосферы...

Да, степь волшебница, она прельщаетъ своей красотою все человѣчество, въ ней вы находите ту теплоту природы, которая застываетъ у васъ въ крови при взглядѣ на холодныя скалы горъ. Путешествовать любятъ по мертвымъ камнямъ Швейцаріи только англичане, у которыхъ нѣтъ любви къ природѣ, а есть лишь расположеніе къ наживѣ, къ золоту. Холодность въ этомъ человѣкѣ такъ велика, какъ и безконечна омертвѣлость дикихъ скалъ. Любить природу можетъ только русскій чедовѣкъ, возлелѣянный на обширной своей родной степи, безъ горъ, безъ холмовъ и безъ утесовъ растилающей отъ береговъ бѣлаго моря и до границы Тихаго Дона, на протяженіи цѣлыхъ тысячъ верстъ. Да только русскому человѣку понятно чувство любви къ широкому просто-

ру степи, вполнѣ сродно увлеченіе этимъ великимъ раздольемъ, которое раскрывается передъ вами на необозримомъ пространствѣ, Степь—это мать земли русской. Мы же—ея дѣти. Такъ можемъ ли мы не любить своей матери, не стремиться къ ней всею душой, не быть увлеченными ея волшебнымъ привѣтомъ, манящимъ насъ къ себѣ? Да, не можемъ! Это не въ порядкѣ вещей. Всякое дитя любитъ свою мать даже и въ то время, когда она его бьетъ. А донская степь не мало терзала Россію: она создала для насъ татарву, разселила здѣсь кочевника, направила его, какъ бичъ, на нашу бѣдну землю, развела тутъ вольницу и т. д.

Степная вольница.

II.

Степная вольница.

Кто знаетъ русскую исторію вообще, а XVII столѣтія—въ частности, и особенно начало этого вѣка, когда на Москвѣ русскій престолъ занимался то татариномъ Борисомъ Годуновымъ, то подложнымъ польскимъ ставленникомъ подъ именемъ Дмитрія, сына Іоанна Грознаго, то интриганомъ того времени, подъ шумокъ разнорѣчивой политики смѣнявшаго одного за другимъ московскихъ, но не изъ русскихъ людей, царей князя Василія Шуйскаго, то просто таки какою-то польской вольницею съ к'кимъ-то еще—говорю я съ какимъ-то потому, что не хочу его знать, кто онъ былъ такой).—Владиславомъ-Сигизмундомъ и т. д., тому будетъ понятно,

что именно представляла собою та вольница, которая полукочевала, полуоседло жила въ донской степи и по всему придонью до степи маздонской и до при азовской включительно. Все это были вольные люди, бѣжавшіе сюда подъ прикрытіемъ ихъ сомнительной нравственности вообще, а политической въ особенности, темной добродѣтели такого свойства, что они будто бы идутъ на украину (на границу Московскаго царства) для того, чтобы спасать Россію отъ вѣчныхъ враговъ ея—азіатовъ, крымскихъ татаръ, вѣками осаждавшихъ бѣдную экономически, но богатою своимъ патріотическимъ духомъ Русь. Въ числѣ этой придонской вольницы было не мало всякихъ боярскихъ слугъ, штрафныхъ и порочныхъ людей всѣхъ разрядовъ, снискивавшихъ здѣсь на Дону для себя всякую свободу человѣческой личности и широкій просторъ на раздольѣ вольной, мѣстной степи, а также и удальскую добычу для себя при постоянныхъ схваткахъ съ кочевниками и пр. и пр. Эта-же вольница, въ концѣ-концевъ, сплоченная между собою однимъ русскимъ, патріотическимъ духомъ—если не од-

ними цѣлями личной и общей наживы—въ мощное цѣлое, обширное и сильное съ денежными поощреніями и съ нравственной поддержкою изъ Москвы не разъ нападала на тогдашній Татарскій Азовъ и брала его усыпавшихъ въ своемъ двухсотлѣтнемъ господствѣ надъ русскимъ именемъ вообще жирныхъ османлисовъ приступомъ и дѣлила всѣ здѣшнія добычи между собою поровну, по братски, по стольку, по скольку каждый изъ людей заслужилъ это пролитіемъ своей собственной или его братской и вообще родственной крови. Донцы также помогали съ суши великому по тому времени флоту Петра I, изъ Воронежа спустившемуся въ Азовское море для того, чтобы разъ на всегда покончить съ давно ненавистнымъ московскому царству скопищемъ азіатовъ, прочно своими ватагами засѣвшимъ въ османлисзскомъ Азовѣ...

Все это историческое прошлое XVII столѣтія силою вещей своихъ дало всѣмъ не малое отраженіе нравственныхъ и всякихъ иныхъ человѣческихъ качествъ на всемъ при донскомъ населеніи означеннаго вѣка, При-

вычка людей вѣками жить на свободѣ, пользоваться всѣми благами вольности... Только для своихъ личныхъ, ихъ корпоративныхъ (народныхъ) цѣлей, не сомнѣнно положила здѣсь на всемъ человѣчествѣ свой собственный отпечатокъ, дала людямъ случай держаться въ дали отъ другихъ, болѣе культурныхъ, просвѣщенныхъ самихъ по себѣ принциповъ, вѣками обоснованныхъ на общемъ гражданскомъ кодексѣ, законѣ, принятомъ всѣми за норму или правило для своего домостроя, общежитія, оседлости...

Вотъ что въ общихъ чертахъ представляла собою придонская вольница XVII вѣка, когда имѣло здѣсь начало нашей былины и когда духъ этой вольности по временамъ сталъ обуздываться изъ Москвы для того, чтобы его пріучить къ оседлой жизни, пріохотить къ порядку и благопристойности того времени...

Придонскіе хутора.

III.

Придонскіе хутора.

Во всякомъ прошломъ есть своего рода прелесть. Такъ и въ придонскомъ населеніи XVII вѣка лежалъ залогъ личной свободы. А это, какъ хотите, весьма не мало значитъ, когда человѣкъ дорожитъ своей личностію. Но кто-же этого не дѣлаетъ? Развѣ есть человѣкъ въ мірѣ, который бы сталъ игнорировать своей собственной личностью? Нѣтъ, я такого человѣка не допускаю и представить себѣ не могу. Даже не осмысленное животное, птица и та задыхается въ клѣткѣ, въ темницѣ, гдѣ ей нѣтъ свободы, простора, на которомъ бы она могла погулять, порезвиться, подышать чистымъ, ни чѣмъ не заспженнымъ въ одномъ мѣстѣ воздухомъ... Свобо-

да—это великое дѣло! Изъ за исканія себѣ свободы даже медвѣдь, съ первыхъ дней своего рожденія пріученный вѣкъ сидѣть въ клѣткѣ, на заперти и плясать здѣсь все, что ему прикажутъ передъ столичной публикою,—какъ это было въ Петербургѣ весною 1899 г. въ саду «Эрмитажъ» на пескахъ,—и тотъ терзаетъ своего укротителя, какъ вѣчнаго притѣснителя его и лишителя той свободы передвиженія, которой онъ самъ пользовался... Этотъ-же самый медвѣдь, когда онъ былъ выводимъ своимъ властелиномъ на волю, воинъ изъ клѣтки, гдѣ онъ продѣлывалъ подъ его острогою всякіе прыжки, желая тѣмъ самымъ занять праздпаго зрителя въ «гуляшемъ саду» и доставить ему своего рода эстетическое наслажденіе дикаго, животнаго свойства, игралъ съ нимъ, рѣзвился какъ малый ребенокъ, выпущенный по веснѣ въ садъ, на лужайку, гдѣ онъ видитъ разноцвѣтные бутончики флёры, манящіе его къ себѣ своимъ жизнерадостнымъ трепетомъ на лонѣ матери природы...

Эта-же самая мать природа такъ сближаетъ между собою людей на просторѣ, въ

степи, гдѣ они всѣ между собою други, братья и гдѣ между людьми нѣтъ ни ранговъ, ни степеней, ни градацій, гдѣ они сливаются въ одно цѣлое, становятся чѣмъ-то не раздѣльнымъ, вѣчно цѣлымъ, единымъ...

И я въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, слушая лекціи въ казанскомъ университетѣ, по естественному факультету, не разъ удостоивался слышать отъ своего профессора на студенческихъ экскурсіяхъ въ ближайшіе лѣса и береговыя горы рѣки Волги, между Казанью и городомъ Свіяжскимъ лежащія, во время каждаго лѣта сюда совершаемыя съ научной цѣлью, что «человѣкъ только и познается здѣсь, на лонѣ матери природы, гдѣ его грудь дышетъ свободней, гдѣ воздухъ не отравленъ ни какой душной атмосферою и гдѣ мозгъ у него работаетъ сильно, открыто, безъ устали, безъ стѣсненій условными формами, программами, какъ это часто бываетъ въ душной, набитой сотнями людей университетской аудиторіи»...

Привычка—вторая натура, говоритъ русская пословица; природа—вторая мать чело-

вѣка, говоритъ практика жизни. На груди этой матери всѣ ея дѣти всегда должны быть равны, веселы и свободны...

Въ степи, на привольѣ, гдѣ человѣкъ дышетъ грудью самой матери природы, почти никогда не гуляла на просторѣ ни какая болѣзнь, ни какая моровая язва, эта сосѣдка культурныхъ временъ, населенныхъ густо центровъ міра... Здѣсь, на груди матери природы человѣкъ всегда былъ здоровъ, жилъ два вѣка, никогда не зналъ, что такое моръ, язва и прочее...

Вотъ почему степнякъ неохотно разстается со своею кибиткой—юртою, вотъ почему его тянетъ въ степь, на просторъ, гдѣ дышется вольней, гдѣ жизнь движется привольнѣй...

Но культурный человѣкъ сталъ пріучать степняка къ оседлой жизни, вывелъ его изъ степи въ хуторъ, въ село, въ городъ и сталъ ему давать свой собственный, общественный строй, законъ, гражданственность... Насколько все это цѣлесообразно--знаетъ только исторія, а мы лишь отмѣчаемъ ея факты...

Тѣ-же хутора, которые впервые появились на придонскихъ вольныхъ берегахъ, не

отвѣчали полной свободѣ духа того населенія, которое засажено было тутъ временемъ и пріемами... Вѣками привыкши къ степному приволью, оно все-таки-же стремилось въ степь, въ непроглядную даль, въ широкое раздолье. Гдѣ бы этотъ человѣкъ ни былъ, чтобы онъ ни думалъ, но его все-таки-же тянуло на просторъ. И всѣ его рѣчи, всѣ бесѣды съ друзьями, въ семьѣ, вертелись именно на этомъ прежнемъ степномъ приволѣ, степной ширѣ и свободѣ. Дѣти этихъ отцовъ, которые вспоминали о своей старинѣ, объ ея вольной-волюшкѣ, волей-неволей думали также о старинѣ, искали для себя въ степи какого-то призрачнаго счастья, какихъ-то благъ земли. Но было-ли это все тамъ—вопросъ умалчиваетъ. Есть ли и вообще на землѣ счастье—намъ навѣрное то же никто сказать не можетъ: это все условно. Также и люди, сами по себѣ, не устойчивы, перемѣнчивы въ характерахъ, перелетны въ своихъ помыслахъ...

Но такъ или иначе, а оседлая жизнь придонскихъ хуторянъ томила ихъ своей условностію. Общественный строй, поставленный

на правахъ общности и законности, не отвѣчалъ ихъ духу, мыслямъ. И все то они поговаривали о своей былой старинѣ, о своемъ прежнемъ разгулѣ, ихъ вольной волюшкѣ...

Особенно эта мысль тяготила надъ однимъ верхнимъ по Дону хуторомъ Кудланскимъ (прежнее его прозвище). Старикъ Разинъ, житель этого хутора, какъ приверженецъ старины, воспиталъ и своихъ дѣтей въ этомъ-же духѣ. Особенно чутко прислушивался къ разсказамъ старика о донской, степной старинѣ его сынъ, Стенька, парень ражій, кровь съ молокомъ, бравый собою, красавецъ съ лица и не глупый умомъ. Онъ часто послѣ этихъ разсказовъ отца всматривался въ степь, которая лежала передъ ихъ хуторомъ на виду, постоянно открытая своимъ широкимъ просторомъ, безпредѣльной далью и, глядя на нее, задумывался какою-то тяжкою и продолжительной думою. Тоска его не рѣдко обуяла при этихъ думахъ до того, что ему становилось душно въ своемъ хуторѣ, тѣсно въ стѣнахъ души своей и щемливо по сердцу такъ, что онъ, встряхнувъ своими русыми кудрями, говорилъ самъ съ

собою: «эхъ ты степь мать широкая, зачѣмъ я не съ тобою»...

— Зачѣмъ я томлюсь въ этой тяжкой долѣ, продолжалъ онъ,—въ рабской отцовской неволѣ...

Какой неволей тяготилась душа Стеньки, зналъ только онъ одинъ. Но видно было, что жизнь съ отцомъ въ хуторѣ ему надоѣла, что ему нужно было вкусить какой-то широкой свободы... Но какой именно,—онъ и самъ того не зналъ. Чувствовалъ лишь онъ, что душа его болитъ, сердце сильно бьется о тѣсныя стѣнки грудной оболочки и какъ бы, рвется на просторъ... Всѣ условныя рамки семейной жизни ему казались узкими, всѣ общественныя условности—ему были тягостны, не по душѣ. Все ему чего-то не хватало, чего-то было мало, но чего именно—онъ и самъ того не зналъ, объяснить себѣ не могъ, былъ не въ силахъ...

Какой-же злой геній давилъ его душу—онъ и самъ того объяснить былъ не въ состояніи, не домогался... Одно лишь онъ зналъ, что ему было не по себѣ, душно, тѣсно и невольготно. Душа его куда-то рвалась куда-то на

просторъ, искала для себя подвиговъ, жизни новой, еще не извѣданной имъ до толѣ. Но какой именно жизни—сказать трудно. Все это было въ зависимости отъ случая, отъ судьбы, которая могла натолкнуть невольника на такіе подвиги, о которыхъ онъ никогда и не думалъ, и помышлять того не могъ.

— Ты вотъ что сынокъ, говорилъ отецъ Стенькѣ,—сходилъ бы хотя подъ Азовъ, показалъ бы тамъ свою удаль молодецкую и напомнилъ бы мнѣ старину матушку...

— Ахъ, батюшка, я и самъ о томъ давно думаю, давно порываюсь на просторъ степи, на подвигъ молодецкій, но все еще нерѣшался безъ твоего родительнаго благословенія, безъ отческаго добраго напутствованія. И если тебѣ это угодно будетъ отпустить меня, дать мнѣ благословеніе, такъ я съ охотою приму его и вступлю въ ряды донской молодежи, уже давно собирающейся въ приазовье для того, чтобы наказать тамъ гологоловую татарву за ея набѣги на нашу степь и за угонъ табуновъ нашихъ лихихъ коней...

Такъ Стенька не разъ уже побывалъ въ приазовьѣ, не разъ онъ выходилъ оттуда съ хорошей добычей...

А Стенька, дѣйствительно, выглядилъ такимъ молодцомъ, что на него заглядывались всѣ дѣвицы, красныя молодушки, придонскія лебедушки.

Зналъ парень цѣну и самъ себѣ. Отъ природы не глупый, онъ сразу смекалъ, кто чѣмъ смотритъ. Для него бывало достаточно взглянуть на человѣка, чтобъ судить о немъ, какъ тотъ его понимаетъ. А это все вмѣстѣ взятое давало Стенькѣ преобладаніе надо многими другими его друзьями, порождало въ этихъ другихъ зависть къ нему, ставило его въ отношеніи къ нимъ на степень натянутости, ни то какой-то вражды, ни то не объяснимой злобы. Особенно эта зависть у молодыхъ людей появлялась къ Стенькѣ въ то время, когда онъ сталъ обращать на себя вниманіе всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, покорять ихъ сердца подъ нози своя и прельщать чужихъ молодицъ своимъ ухарствомъ, разудалымъ молодечествомъ.

Частыя схватки съ парнями изъ за дѣ-

вицъ, поставили Стеньку особнякомъ подлѣ другихъ. Всѣ товарищи его перестали съ нимъ якшаться. Дружбу вести Стенькѣ, такимъ образомъ, стало не съ кѣмъ. Подступившее къ горлу одиночество, часто душило ему грудь. А тутъ еще журьба отца за то, что онъ болѣе не сталъ приниматься въ компанію своихъ людей во время походовъ ихъ противъ азовской вольницы, татарвы, угонявшей у донцовъ скотъ въ свои аулы.

Тутъ, правда, больше всего не терпимость къ Стенькѣ проявлялась за то, что онъ былъ очень лихъ, хорошій защитникъ своихъ правъ на задонскую степь... А такихъ сорванцевъ не вездѣ таки долюбливаютъ. Противъ нихъ всегда появляется сильная зависть слабыхъ, не видныхъ среди мощныхъ людей особей. Это уже такой законъ вещей, Исторія человѣчества полна такими фактами...

Добрая слава Ермака Тимофеевича была оцѣнена только черезъ 300 лѣтъ послѣ завоеванія имъ для своего отечества необъятной сибирской страны и теперь ему ставятъ памятникъ въ Тобольскѣ... Но въ то время, когда онъ былъ славнымъ собирателемъ

Россіи — его считали вольной-вольницей... Все это можетъ быть и такъ, но въ вольницѣ-то этой сокрытъ былъ русскій великій духъ. Созидательность въ его натурѣ всегда имѣла преимущество передъ силою разрушенія. Это, какъ видите, не злой человѣкъ, не испорченный до мозга костей субъектъ и не та не удачность, которая, какъ нѣчто не годное, изгоняется изъ человѣческаго общества... Да не все то золото, что блеститъ, не всякъ изъ тѣхъ славенъ, кто на виду другихъ вершки добра своего считаетъ, а великія дѣянія тѣхъ, которыя совершаютъ свою добродѣтель въ тайнѣ, и въ грошъ не ставитъ...

Уронить бодрость человѣка ничего не стоитъ. Убить въ немъ душу чистую, однимъ комомъ грязи, брошеннымъ не съ доброй стороны,—то же ничего не представляетъ. Породить въ добромъ человѣкѣ ненависть къ другимъ всегда было легко, стоило только его отъ себя устранить.

Такъ и изъ Стеньки Разина сдѣлали его завистники-то, что онъ сталъ ихъ не навидѣть, презирать, какъ жалкихъ существъ, ни-

чего не стоющихъ по его понятію людей. И это въ порядкѣ вещей. И собака, отогнатая отъ кости другими ея пріятельницами, болѣе злыми, то же начинаетъ на нихъ огрызаться. Такъ какъ же это человѣкъ-то, считавшій себя выше другихъ всѣми, не можетъ презирать этихъ слабыхъ, изгнавшихъ его изъ своего общества?..

А тутъ еще пора молодости настала, кипучая кровь молодецкая заговорила, желаніе добра своей родинѣ хотѣлось, и все это такъ разжигаетъ страсти человѣка, такъ волнуетъ его кровь, что онъ рѣшительно становится не въ себѣ, не знаетъ, что онъ можетъ совершить въ данный моментъ...

IV.

Любовь Стеньки.

Такъ и Стенька. Томимый своимъ одиночествомъ среди людей, заѣдавшихъ его жизнь, не зналъ, что и дѣлать съ собой, къ чему приложить свой умъ, свою силушку, крѣпкія мышцы. А степь, межъ тѣмъ, манила его къ себѣ, говорила ему о своемъ раздольѣ, обѣщала ему широкое приволье, доброе житье-бытье, не сказачное славное будущее...

Но онъ еще все медлилъ броситься въ ея объятія... У него и въ хуторѣ-то завелась зазнобушка: скромная дивчина Маруся плѣнила его молодецкое сердце своимъ душевнымъ расположеніемъ къ нему. Ну какъ тутъ было устоять доброму молодцу противъ та-

кого соблазна, когда ему открываетъ свои объятія добрая душа дѣвичья, та именно душа, которая не знавала еще до толѣ никакой грязи житейской и пребывала всегда лишь въ вѣрѣ и чистотѣ своей сердечной. Это ли еще не соблазнъ былъ для молодого парня. Душа его не устояла противъ такого напора внутренняго событія и онъ уже бросился въ объятія Маруси. Та его, конечно, приняла сердечно. И узы молодыхъ людей, такимъ образомъ, были духовно соединены.

Но злой рокъ, взявшійся вредить человѣку во всемъ, и тутъ преслѣдовалъ Стеньку своимъ ударами. Не любовь молодежи къ царню за его удальство, превосходство надъ ними и пр., перешло въ ненависть, съ которой относились къ нему и старшіе. Отецъ же Маруси, узнавъ объ ея любви къ Стенькѣ, также пригрозилъ ей проклятіемъ, если она не откажется отъ него. А извѣстно, какъ на вѣрующаго человѣка дѣйствуетъ угроза родителей о проклятіи своихъ дѣтей ..Стенька былъ къ тому же человѣкъ религіозный. На него эта угроза подѣйствовала очень сильно и онъ, чтобы спасти свою возлюбленную отъ родительскаго

проклятья и дать ей счастье въ жизни подъ сѣнью отеческаго благословенія, отказался отъ своего притязанія на ея любовь къ себѣ.

Этотъ рыцарскій поступокъ возвеличилъ его въ глазахъ своей дорогой Маруси. Она также благословила его своимъ чистымъ духомъ, вопреки сердечному влеченію къ нему, на вѣчное счастіе въ другомъ сердечномъ пріютѣ. Но Стенька этого и слышать не хотѣлъ. Онъ отдавалъ свое сердце возлюбленному человѣку только одинъ разъ въ жизни; онъ предпочелъ бы теперь вѣчно оставаться былемъ-сиротинкою, чѣмъ связывать свою душу съ другимъ какимъ-либо дѣвичьимъ сердцемъ...

— Нѣтъ! говорилъ Стенька,—теперь я отпѣтая головушка! Люди лишили меня любви къ моимъ подвигамъ на защиту своего отечества направленнымъ, они же отняли у меня вѣру въ самого себя, въ свои силы, въ мое преобладаніе надъ ними и въ то, что было для меня такъ дорого, свято, не нарушимо, а теперь еще лишаютъ меня и моей сердечной привязанности, обрекая, такимъ образомъ, на вѣчное одиночество!.. Такъ нѣтъ же!..

Пусть будетъ такъ, какъ судьбѣ моей угодно распорядиться всѣми моими человѣческими достоинствами, всѣмъ тѣмъ, что я такъ лелѣялъ, чѣмъ я такъ дорожилъ для себя и для блага моей родины!.. Такъ пусть же будетъ такъ, какъ Богу угодно.

И Стенька, махнувъ рукою, удалился въ донскую степь...

Долго онъ здѣсь скитался одинъ безъ пріюта, безъ пристанища; долго онъ носилъ образъ дорогой его Маруси въ душѣ своей, лелѣя его, какъ священный завѣтъ всей жизни; не мало онъ еще излилъ надъ этимъ своимъ горемъ и внутреннихъ слезъ своей мучительной скорби, такъ долго оплакивая мечты своего дѣтства, сердечныя неудачи, душевныя увлеченія, посылая послѣдній привѣтъ своей родинѣ, своимъ надеждамъ, всѣмъ тѣмъ упованіямъ, на которыя онъ такъ еще расчитывалъ, для которыхъ онъ любовно жилъ, затрачивалъ свои молодыя силы, чувства.

Мучительно это было время для Стеньки въ степи: онъ не зналъ чѣмъ ему заняться, куда приклонить свою голову, какъ устроить

свою будущую жизнь, въ конецъ разбитую у него злыми людьми на его дорогой родинѣ.

О, родина! Какъ велико это слово, какъ могуче оно для подвиговъ рыцарской души, какъ магически оно дѣйствуетъ на сердечныя раны любящаго ее сына!..

— Да, я теперь безпріютный бобыль, не рѣдко говаривалъ самъ себѣ Стенька, сидя въ открытой степи лицомъ къ своему хутору, среди высокаго ковыля, скрывавшаго его отъ всѣхъ постороннихъ взоровъ, и слушая тутъ ревъ дикихъ звѣрей, выходящихъ по ночамъ на свою добычу, а также и проливая сердечныя слезы о потерѣ своего спокойствія, мирной семейной жизни и всего того земного счастья, о которомъ онъ такъ много мечталъ въ молодости, желая провести всю свою жизнь съ пользою для своей дорогой родины.

Мысли у него часто путались отъ наплыва всѣхъ этихъ скорбей о потерѣ своего добраго прошлаго и о своемъ будущемъ, покрытомъ мракомъ неизвѣстности. И чѣмъ дальше была его скитальческая жизнь, тѣмъ сильнѣе становилось его чувство скорби о родинѣ. Но заглушить все это въ себѣ ему все таки-же

было нечѣмъ. Оставаясь вѣчно одинъ, съ собственной своей мыслью, потрясенною всѣми его житейскими неудачами, безъ поддержки извнѣ,—что онъ могъ придумать для себя путнаго, болѣе облагороженнаго и менѣе рискованнаго на своемъ жизненномъ пути?!...

Однажды, скитаясь по степи, Стенька набрелъ на калмыцкія юрты. Подойдя къ нимъ смѣло съ отвагою прежняго донского молодца, какъ извѣстно, ни предъ чѣмъ никогда не падающаго духомъ, онъ вошелъ въ одну изъ этихъ юртъ, болѣе другихъ богатую по внѣшнему ея виду и красиво убранную словно по праздничному дорогими коврами, и увидѣлъ тутъ расположившуюся на коврѣ разодѣтую въ богатыя парчевые халаты цѣлую семью именитаго киргиза.

Это былъ князекъ степного народа Юата. Онъ, не изумясь приходу къ нему инородца, которыхъ онъ много и часто въ степи своей видалъ и зналъ, пригласилъ Стеньку присѣсть къ себѣ на коверъ. Тотъ охотно принялъ это предложеніе, выразивъ предварительно привѣтствіе хозяину юрты. Стенька

по обыкновенію былъ вооруженъ съ головы до ногъ: у него за плечами висѣлъ желѣзный дротикъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ, а на лѣвомъ бедрѣ плавно покачивался широкій мечъ. Костюмъ на немъ былъ также не изъ бѣдныхъ. Все это внушало хозяину юрты уваженіе къ гостю. А особенно, когда онъ увидѣлъ его мощную фигуру, молодецкій ростъ, соколиный взглядъ и умную рѣчь съ ея дѣловитыми разсужденіями о привольѣ степей, о достаткѣ киргизовъ, объ ихъ славномъ житьѣ-бытьѣ... Особенно Юата понравилась похвала Стеньки киргизамъ... Онъ угостилъ своего гостя кумысомъ (кобыльимъ молокомъ), предложилъ ему вяленой баранины (калмыки не жарятъ мясо, а только вялятъ его на огнѣ, чтобъ въ немъ не перегорѣла кровь животнаго, а осталась бы она въ своемъ первоначальномъ видѣ). Стенька все это принялъ съ охотою, хотя онъ и не голодалъ въ степи, имѣя тамъ пищу постоянно подъ рукою въ любомъ стадѣ...

Семья киргизскаго князька состояла изъ семи человѣкъ: его самого, жены его и пятерыхъ дѣтей, въ числѣ которыхъ было три

его сына и двѣ дочери. Одна изъ дѣвушекъ уже была на возрастѣ и напоминала лицомъ своимъ возлюбленную Стеньки Марусю. При взглядѣ на нее у парня защемило сердце, прежней молодецкой любовью. Но онъ этого не выказалъ на первое время. Обладая могучей силой воли, Стенька не сразу поддавался своимъ сердечнымъ увлеченіямъ. Онъ прежде всего, во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни обращался къ голосу разсудка, которому онъ строго подчинялъ всѣ свои дѣйствія и поступки. Такъ и здѣсь онъ не далъ большой воли своему душевному волненію. Но внутреннее влеченіе его къ памяти о своей Марусѣ, все-таки же крѣпко давало себя чувствовать, и онъ по временамъ долго всматривался въ красивое лицо молодой калмычки. Зная хорошо простоту нравовъ этихъ кочевниковъ, удалой молодецъ однако же не стѣсняясь долго созерцалъ ему милый по Марусѣ образъ молодой дѣвушки. Хозяинъ юрты скоро все это замѣтилъ и улыбнулся Стенькѣ въ лицо. Тотъ ему въ отвѣтъ тѣмъ же. Они, такимъ образомъ, поняли другъ друга и, въ знакъ обоюднаго удовольствія, потре-

пали одинъ другого по плечу. Это вызвало улыбку на лицѣ молодой дѣвушки и она еще пристальнѣе обмѣнялась взглядомъ съ нецеремоннымъ гостемъ.

Послѣ долгой бесѣды съ хозяиномъ юрты, въ которой Стенька повѣдалъ о себѣ, какъ о знатномъ человѣкѣ, силою тяжелыхъ обстоятельствъ попавшемъ въ степь и сдѣлавшемся теперь ея гостемъ, удалой молодецъ остался здѣсь на нѣкоторое болѣе или менѣе продолжительное пребываніе. Всѣ калмыки, подвласные князьку, видѣли въ немъ дорогого гостя своего господина и потому уже оказывали ему почетъ и уваженіе среди себя. Всѣмъ этимъ, конечно, Стенька какъ малый не глуцый съумѣлъ разумно воспользоваться и извлечь для себя нѣкоторую пользу. Не отличаясь никогда трусостію, онъ однажды на охотѣ за степнымъ звѣремъ, постоянно безпокоившимъ стада кочевниковъ, поразилъ своимъ желѣзнымъ дротикомъ на смерть одного молодого тигра. Это дало ему случай представиться въ глазахъ молодой калмычки, дочери князька, храбрымъ молодцомъ, не сокрушимымъ рыцаремъ. И онъ этимъ счастьемъ

для себя, конечно, еще болѣе съумѣлъ воспользоваться по своему, какъ могъ...

Отсюда уже у него начинаетъ разыгрываться и старая любовь къ Марусѣ, и тѣмъ болѣе, что калмычка напоминала ему лицомъ его дорогую возлюбленную. Отецъ дѣвушки, ей не запрещалъ часто встрѣчаться съ молодымъ парнемъ и бесѣдовать съ нимъ о своихъ, молодыхъ дѣлахъ... Тѣмъ болѣе это было возможно для Стеньки и потому еще, что онъ, какъ человѣкъ часто повстрѣчавшійся прежде въ степи съ калмыками, на пастьбѣ своихъ коней за Дономъ, гдѣ они также бывали, усвоилъ себѣ въ совершенствѣ и ихъ языкъ и объяснялся на немъ довольно свободно. Это все еще болѣе упрочило его положеніе среди калмыковъ. Умственно превосходя эту степную вольницу, состоящую изъ отбросовъ прежняго татарскаго нашествія на Русь, Стенька легко забралъ въ свои руки эту дикую толпу.

Командуя ими, какъ своими подчиненными людьми, онъ часто пользовался ихъ искренними услугами даже и тамъ, гдѣ они уже преступали границы своего подчиненія ихъ

князьку... Такъ, однажды Стенька говоритъ наиболѣе преданнымъ ему калмыкамъ:

— А что, ребята, намъ надо будетъ завести свой собственный юртъ, помимо вашего князя и всѣмъ переселиться отсюда въ новые края, болѣе для насъ удобные и привольные и, ссли вы на это согласны, то изъявите мнѣ свое желаніе не позже, какъ черезъ день, и тогда я вамъ скажу, что намъ нужно будетъ предпринять для своего дѣла и въ какое именно время оставить юртъ вашего Юаты.

Тѣ были очень рады этому предложенію, потому что они не совсѣмъ-то были довольны своимъ властелиномъ. Выразивъ Стенькѣ полное свое довѣріе, они стали ждать отъ него скораго приказанія собираться въ путь. Моментъ этотъ для нихъ насталъ тотчасъ-же, какъ только Стенька уладилъ свои дѣла съ князькомъ Юатою и взялся у него отогнать одинъ табунъ коней за Донъ для продажи его тамъ русскимъ людямъ. При этомъ онъ для вѣрности дѣла отпросилъ у него тѣхъ его слугъ, которые больше всего были преданы Стенькѣ...

Дѣло, такимъ образомъ, устроилось какъ

нельзя быть лучше для молодого удальца и онъ, отобравъ дорогихъ коней Юаты и, взявъ для нихъ провожатыхъ, ему преданныхъ калмыковъ, отправился съ ними за Донъ...

Но вскорѣ онъ, измѣнивъ свое направленіе съ запада отъ калмыцкой степи на сѣверъ, пошелъ уже именно въ ту самую привольную сторону, о которой онъ говорилъ своимъ новымъ слугамъ. Страна эта лежала отъ нихъ на нѣсколько сотъ верстъ къ сѣверу и была покрыта густыми лѣсами...

Тогда какъ степь калмыцкая, на протяженіи ея пяти сотъ верстъ отъ береговъ Каспійскаго моря и до лона Тихаго Дона не имѣла ничего кромѣ ковыля и тростника, да развѣ еще кое-гдѣ не значительнаго кустарника...

Откочевавъ на нѣсколько верстъ отъ мѣста кочевья Юаты къ сѣверу, то-есть, по такому направленію, гдѣ калмыцкій князь никогда и не подумалъ-бы встрѣтить, Стенька отдалъ приказъ своимъ людямъ остановиться на ночлегъ.

Раскинувъ юрты, всѣ люди его расположились на отдыхъ. Но имъ, однако, не долго

Стенька дозволилъ такъ наслаждаться на своемъ покоѣ. Давъ дикій свистокъ черезъ два пальца вложенные въ ротъ, какъ это дѣлаютъ всѣ кочевники, онъ созвалъ ихъ къ себѣ и приказалъ имъ немедленно сѣдлать лучшихъ коней и съ нимъ отправляться въ обратный путь. Оставивъ одну половину людей при табунѣ, Стенька съ другою вольницею ускакалъ въ кочевья Юаты.,.

Ночь стояла тогда темная, но кочевники знаютъ всѣ дороги въ степи и ночной мракъ имъ не помѣха и безъ сопровождателя свѣта... Прискакавъ на кочевье князька калмыковъ, Стенька оставилъ своихъ слугъ въ степи, а самъ пошелъ къ юртѣ... Не успѣлъ онъ еще сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ впередъ, какъ его уже въ камышахъ встрѣтила какая-то тѣнь. Онъ, схвативъ ее на руки и, быстро возвратясь къ своимъ конямъ, вскочилъ на степного скакуна и скрылся въ степи, сопровождаемый своими вѣрными слугами...

Кого тутъ Стенька похитилъ въ образѣ тѣни, вышедшей къ нему на встрѣчу изъ тростника, читатель уже вѣроятно догады-

вается... А потому мы и не станемъ подтверждать его догадокъ, чтобы не повторять того, что уже и такъ ему хорошо извѣстно... Но Стенька съ этого момента исчезъ не извѣстно куда; исчезли съ нимъ и его вѣрные слуги, когда-то бывшіе преданные рабы калмыцкаго князька Юаты...

На Волгѣ.

V.

На Волгѣ.

Царь Московскій Іоаннъ Васильевичъ Грозный говорилъ, что «я не могу терпѣть погибели христіанъ и хочу страдать за вѣру православную и святыя церкви не только до крови, но и до послѣдняго издыханія, а потому я не допущу царства татарскаго на русской издревле рѣкѣ нашей матушкѣ Волгѣ, и пусть эта невѣрная орда да познаетъ Бога истиннаго и да прославитъ вмѣстѣ съ нами Святую Троицу во вѣки вѣковъ»... И съ этими словами онъ пошелъ со своей многочисленной ратью на Казань и взялъ ее приступомъ въ 1552 году послѣ трехлѣтней непрестанной борьбы съ нею... Потомъ пало и астраханское татарское царство и присое-

днено было царемъ Іоанномъ Грознымъ къ Россіи, какъ послѣднее становище дикой орды на Волгѣ.

До толѣ же почти вся рѣка Волга, начиная отъ границъ нынѣшней нижегородской губерніи—отъ рѣки Суры и Пьяны,гдѣ стояли татарскіе пограничные улусы, перешедшіе теперь въ мусульманскія села симбирской, казанской и нижегородской губерній—и переходя черезъ нынѣшній Симбирскъ, Самару, Саратовъ и Царицынъ вплоть до Астрахани принадлежала царствамъ татарской орды, крѣпко тогда на цѣлыхъ 200 лѣтъ засѣвшей на рѣкѣ Бѣлой, притокѣ Камы, вблизи нынѣшней Уфы въ особо-построенной столицѣ ея—теперь уже безъ слѣда исчезнувшей съ лица земли благодаря русской ненависти, разыгравшейся здѣсь надъ татарскимъ вѣковымъ игомъ въ Россіи.

Русская торговля на Волгѣ, благодаря этому двухсотлѣтнему владычеству татаръ въ Россіи, совершенно исчезла; вятская и пермская области, какъ даръ новгородскихъ колоній среди камскихъ болгаръ, тоже прекратили свое существованіе еще при началѣ

господства дикой орды на всемъ теченіи Волги. Если же нѣкоторое русское купечество добраго стараго времени или торговое сословіе, которое тогда вело свое піонерство на сѣверномъ и восточномъ побережьѣ моря Хвалынскаго, нынѣ Каспійскаго—вплоть до персидскихъ городовъ, лежащихъ по западному побережью этого моря, съ нынѣшней кавказской стороны его, еще и продолжало свою торговую миссію на Волгѣ, то уже подъ страшнымъ гнетомъ татарвы, взимавшей съ русскихъ людей громадный калымъ (выкупъ) за пропускъ ихъ судовъ въ обѣ стороны рѣки. Выкупъ этотъ былъ крайне тяжелъ для судовладѣльцевъ, такъ какъ татарская орда засѣдала тогда по всей Волгѣ во многихъ мѣстахъ, была мало зависима она одна отъ другой и потому каждая изъ нихъ въ частности хищничала, какъ могла по собственному своему усмотрѣнію.

Помимо, такъ сказать, ханскихъ сборовъ съ русскихъ торговыхъ судовъ на Волгѣ, существовалъ еще и сборъ вольныхъ людей, по всемѣстно господствовавшихъ здѣсь по сплошнымъ дремучимъ лѣсамъ и по высокимъ

недоступнымъ горамъ, начиная отъ Нижняго-Новгорода и кончая Царицинымъ, идущимъ почти сплошной грядою по всему правому берегу русской великой водной артеріи...

Вольница эта не вывелась на Волгѣ даже и въ то время, когда уже рѣка эта вся вплоть до Астрахани стала принадлежать московскому царству, и когда здѣсь всюду было разселено русское воеводство и намѣстничество. Борьба же съ волжской вольницею велась московскимъ государствомъ цѣлыми столѣтіями, но все однако безуспѣшно, потому что она имѣла для себя такіе пріюты въ дремучихъ лѣсахъ, въ которыхъ ее никогда и ни чѣмъ нельзя было уязвить, и казалось силы этой, волжской вольницы еще болѣе развились и окрѣпли уже послѣ взятія ихъ становищъ — Казани и Астрахани, когда русскіе суда не опасаясь самоуправства татарвы стали вести по Волгѣ свободную торговлю отъ самаго истока этой рѣки и до устья ея, на протяженіи цѣлыхъ 3,500 верстъ. Это развитіе вольницы на Волгѣ прогрессировалось въ XVI и XVII вѣкахъ потому, что, развившаяся здѣсь

русская торговля съ востокомъ вообще и съ Персіею въ особенности, давала ей случай быть ближе къ богатой добычѣ, какой она никогда не могла имѣть во время господства татарвы, какъ кочевого племени не способной къ какой бы то ни было торговой дѣятельности.

И прирѣчная вольница на Волгѣ держалась на всемъ протяженіи ея въ разныхъ пунктахъ и подъ разными же видами, но больше всего она пребывала въ низовьяхъ рѣки, какъ на значительнѣе всего населенныхъ татарвою и поэтому уже дававшихъ большой контингентъ лицъ для разной бродячей сволочи. Также привлекало сюда эту вольницу и то, что нижнее теченіе Волги, какъ наиболѣе населенное кочевыми племенами, давало русскимъ купцамъ ближайшій случай вести съ ними обширную по тому времени торговлю, какъ своими, такъ и заграничными предметами производства, заходившими на Москву черезъ Архангельскій портъ, а потому и скопляло здѣсь на судахъ рѣки всѣ обмѣнные торговые знаки въ видѣ серебра и золота..

Зная средства всякаго русскаго торговаго судна, волжская вольница и требовала съ него соотвѣтствующаго выкупа или калыма. Конечно, это даромъ никому никогда не давалось: купечество съ судовъ защищалось, а вольница на нихъ нападала. Часто при этихъ стычкахъ бывало не мало и человѣческихъ жертвъ на той и на другой сторонѣ. И пока сила не рѣшитъ вопросъ въ ту или въ другую сторону, предметъ калыма оставался ни чьимъ. Какъ ни сильно вооружали иногда суда свою команду, какъ ни старались судовладѣльцы внушать страхъ и уваженіе къ себѣ путемъ вооруженія своихъ судовъ разнымъ огнестрѣльнымъ «орудіемъ»—пищалями и пушками, дозволенными тогда правительствомъ имѣть частнымъ лицамъ для своей защиты отъ дерзкой вольницы—«всякой волжской сволочи»,—но вольница эта всегда однако же брала верхъ надъ судовой командою и взимала съ владѣльцевъ судовъ значительный денежный или товаромъ выкупъ.

Такъ дѣло велось цѣлыми столѣтіями, такъ вольница господствовала на Волгѣ, какъ рабовладѣльческая каста въ глухой, не ци-

вилизованной странѣ, властвовавшая надъ своими поданными...

Нападенія на волжскія суда вольницы происходили по преимуществу въ ночное время, когда на рѣкѣ становилось темно и когда команда судна менѣе была бдительна, а также и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ меньше всего судовладѣльцы ожидали этого нападенія.

И вся волжская вольница по преимуществу состояла изъ кочевниковъ—татаръ—и вообще изъ татарскихъ племенъ—калмыковъ и киргизовъ, какъ наиболѣе вороватыхъ людей и уже вѣками свыкшихся со своимъ хищническимъ занятіемъ въ прикаспійскихъ степяхъ.

Шайки этой вольницы были очень многочисленны. По мимо рѣки Волги, онѣ также оперировали и на сушѣ. Живя часто среди мирныхъ жителей и на ихъ попеченіи, шайки эти всегда оставались безнаказанными такъ какъ мирныя инородческія племена той или другой татарвы на Волгѣ изъ за корыстныхъ своихъ цѣлей покровительствовали вольницѣ, нерѣдко и сами принимая живое участіе

въ нападеніяхъ на волжскіе суда и ихъ владѣльцевъ.

Эти шайки татарвы организовывались или разъ навсегда, или же только случайно, какъ-нибудь, на одинъ разъ, но не болѣе, и непремѣнно въ такомъ разсчетѣ, чтобы имъ постоянно имѣть вѣрный успѣхъ въ дѣлѣ. А это всегда было такъ потому, что все приволжское населеніе того времени, прежде состоявшее только изъ однихъ кочевниковъ «великой» почему-то орды отъ Казани до Астрахани разселенной по берегамъ матушки Волги, имѣло своими задачами лишь одни хищническіе набѣги и по сему, пропитавъ себя насквозь этой вольностію, долго еще не могло откочевать отъ нея въ сторону, чтобы вполнѣ тамъ зажить мирно и навсегда забыть прошлое.

Зная хорошо всѣ эти проволжскіе улусы, мѣстное населеніе выбирало здѣсь для себя и такіе безопасные во всѣхъ отношеніяхъ пункты нападенія на суда, которые предотвращали бы ихъ всякія неудачи. Да и то, что все это населеніе въ низовьяхъ Волги было азіатское, русскимъ судамъ уже бороться

съ нимъ оказывалось нелегко, потому что оно всегда было за свою вольницу, постоянно помогало ей тѣмъ или другимъ способомъ: совѣтомъ или физической (своей собственной) помощію.

Это-то вотъ затруднительное положеніе русской торговли на Волгѣ и тормозило все дѣло нашей культуры, просвѣщенія страны и замедляло общій поступательный ходъ русскаго, отечественнаго, политическаго развитія. Тѣмъ болѣе, что вниманіе московскихъ царей, тогда было обращено на нашъ югъ, то-есть на придонско-приднѣпровскій край, гдѣ съ одной стороны давили на бѣдную Русь крымскіе кочевники, а съ другой—уже наступало польское владычество по всему кіевскому краю, гдѣ дѣло дошло даже до того, что русскія православныя церкви въ Малороссіи легко отдавались панами и шляхтой въ долгосрочную аренду евреямъ и тѣ впускали въ нихъ для молитвы православныхъ христіанъ не иначе, какъ взимая по одному рублю съ человѣка.

Положеніе было, какъ видите, тяжелое. По этому на приволжскую вольницу мало

обращалось вниманія и борьба съ нею вся была предоставлена самимъ судовладѣльцамъ и мѣстнымъ приволжскимъ воеводамъ. Но эти не всегда были въ силахъ бороться со всѣмъ приволжскимъ населеніемъ искони всецѣло преданнымъ своей дикой вольности.

Соблазняясь этой свободой передвиженія по Волгѣ, сюда нерѣдко шла въ среду вольницы и русская судовая прислуга, чѣмъ либо недовольная своимъ хозяиномъ—судовладѣльцемъ. Зная хорошо всѣ слабости судовъ, она не мало способствовала при нападеніи на нихъ успѣхамъ вольницы.

Особенно дорожила этимъ элементомъ у себя одна большая шайка вольницы, давно уже оперировавшая своими ухарско удальскими наѣздами на русскія торговыя суда на Волгѣ въ низовьяхъ рѣки, ниже нынѣшняго Царицына. Главнымъ такъ сказать райономъ дѣйствій этой шайки была вся та приволжская степь, которая тянулась отъ Царицына до Астрахани на протяженіи цѣлыхъ пятисотъ верстъ. Нерѣдко эта вольница появлялась на своихъ судахъ торговаго типа подъ видомъ купцовъ, промышляющихъ тор-

говлею, и на синихъ волнахъ моря Хвалынскаго и производила тамъ свои опустошенія на торговыхъ корабляхъ уже персидскаго государства.

Чтобы скрыть слѣды своего коварнаго преступленія, эта вольница часто занималась на взморьѣ рыбной ловлею, живя съ своими судами въ камышахъ, идущихъ здѣсь въ море на разстояніи цѣлыхъ восмидесяти верстъ и уже представляющихъ собою морской лѣсъ, въ которомъ всѣ суда вольницы могли скрываться даже годами не будучи ни кѣмъ замѣчены. Часто члены этой вольницы, оставивъ свои суда въ тростникахъ моря, удалялись въ калмыцкую степь и вели тамъ обширную торговлю награбленными и на морѣ и на Волгѣ товарами.

Словомъ, здѣсь было заведено полное торгово-промышленное дѣло. Вольница эта имѣла и собственные степные караваны на лучшихъ коняхъ киргизскихъ породъ и направлялась съ ними въ степь при собственной же многочисленной стражѣ вожаковъ лошадей, вооруженныхъ съ ногъ до головы лучшимъ по тому времени холоднымъ и огне-

стрѣльнымъ оружіемъ всякаго типа. Люди эти такъ и были извѣстны въ степи за торгово-промышленниковъ. Они вели свои обширныя дѣла и съ приволжскими городами, заходили иногда даже и на Донъ и торговали тамъ въ мѣстныхъ станицахъ (станицами въ то время назывались всѣ обширные придонскіе поселки, купно централизованныя въ значительныя группы людей для того, чтобы имъ вѣрнѣе стать прочною ногою на этой границѣ московскаго царства и отражать отсюда всю нападающую на русскую землю съ этой стороны дикую орду, идущую сюда съ востока)...

Переходя, такимъ образомъ, отъ мирной торговли въ степи къ хищнымъ наѣздамъ на Волгѣ и на морѣ, вольница эта долго ни кѣмъ и нигдѣ не была улавливаема. И она вела свою торговлю также и съ Астраханью. Бытъ ея вообще ни кѣмъ и никакъ не могъ быть здѣсь установленъ. Гдѣ она имѣла свое постоянное мѣсто пребыванія,—также ни кому не было извѣстно. Да и вообще въ то время свобода вольности была полная. Паспортовъ люди не имѣли ни какихъ, кромѣ своей соб-

ственной личности, языка и костюма, по которымъ отличали азіата отъ русскаго и на оборотъ. А въ числѣ этой вольницы были уже и всякіе люди: и русскіе, и калмыки, и киргизы, и высшія восточныя племена—татары. Всѣ они въ достаточной степени изъяснялись на всѣхъ тогдашнихъ приволжскихъ нарѣчіяхъ. Это давало людямъ такой вольницы большое преимущество передъ другими имъ равными людьми.

Но кто былъ главнымъ руководителемъ этой вольницы, никто не зналъ, потому что среди людей здѣсь никто ни чѣмъ не выдавался по внѣшности своей и всѣ они, казалось, были равноправными въ своихъ дѣлахъ и распорядкахъ. Имени имъ также опредѣленнаго никогда не было, или они носили имена вымышленныя, или же давали себѣ какія либо — придуманныя прозвища. Все это отдаляло отъ этой вольницы всякое подозрѣніе въ участіи ея на Волгѣ и на морѣ въ чудовищныхъ грабежахъ торговыхъ судовъ всѣхъ типовъ и національностей.

Вольная ватага эта заходила на своихъ морскихъ судахъ даже и до персидскаго го-

рода Дербента и тамъ также производила свои грабительскія опустошенія. Но уловить ее, говорю я, было никакъ нельзя, потому что люди въ ней какъ бы смѣнялись, переставали носить свой внѣшній обликъ и назывались уже не тѣми именами, подъ которыми ихъ знали раньше въ степи и въ городахъ.

Много лѣтъ эта вольница существовала безъ имени и безъ названія на Волгѣ и на морѣ и не мало она награбила вездѣ и повсюду разнаго добра и казны. И куда все это дѣвалось, гдѣ сохранялось и кому принадлежало—ни кто не зналъ и знать того не могъ, потому что все это велось такъ тонко и хитро, что не было никакой возможности словитъ кого либо изъ этой вольницы.

Это, конечно, еще болѣе усугубляло все дѣло и торговые суда на Волгѣ не знали для себя ни въ чемъ и ни гдѣ спасенія. Такъ вотъ, вдругъ, гдѣ они не ожидали для себя никакого визита хищника, онъ какъ разъ тутъ и являлся изъ тростника или съ горы и, напавъ на нихъ, грабилъ дочиста. Подобные подвиги волжской вольницы держали

всѣ торговые суда впродолженіи многихъ лѣтъ въ постоянной паникѣ.

Найдутъ, бывало, какое нибудь подозрительное судно, плавающее по тихимъ струямъ рѣки Волги, заберутъ его въ «подозрѣніе властей» города Астрахани, а оно, вдругъ, къ удивленію всѣхъ окажется торговымъ, съ товарами, идущимъ въ степь или еще куда нибудь. Найдется, развѣ. только на этомъ суднѣ какая нибудь подозрительная личность, вновь нанятая купцомъ для цѣлей услуги ему, но и тутъ опять нѣтъ никакого доказательства, и личность эта отпускается на свободу.

А между тѣмъ она то и была всему причиной. Пойдя на это судно въ услуженіе, личность эта имѣла въ виду скорѣе всего содѣйствовать своимъ людямъ въ удачномъ ограбленіи судна, когда на него нападала въ томъ или въ другомъ мѣстѣ Волги гнусная вольница.

Оперируя постоянно въ низовьяхъ Волги, вольница эта никогда не осмѣливалась заходить въ верхніе плессы рѣки, потому что она не могла тамъ имѣть для себя никакого вѣр-

наго пристанища въ видѣ калмыцкихъ степей для распространенія въ нихъ всего награбленнаго ею имущества судовладѣльцевъ и въ видѣ морскихъ тростниковыхъ лѣсовъ, гдѣ вмѣстѣ съ судами она годами могла укрываться отъ всякаго блюдущаго ока...

Эта строгая расчитанность своего дѣла и послѣдовательность всѣхъ дѣйствій, такъ всѣхъ изумляла, что ни кто ничего не могъ предположить на тотъ предметъ, что была ли это одна группа людей дерзкой вольницы, въ разное время и въ разныхъ частяхъ Волги подъ разными же видами оперирующая въ разбросъ, но подъ однимъ центральнымъ наблюденіемъ, гдѣ либо находящимся, или же это все были отдѣльные люди, которые на свой рискъ и страхъ работали въ данномъ направленіи. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ меньше было шансовъ на то, чтобы открыть центральное становище этой дерзкой вольницы, или узнать вообще то, отъ кого она такъ строго и послѣдовательно дѣйствуетъ въ своихъ походахъ противъ торговыхъ людей, и какъ имя этого лица или

группы людей, завѣдующихъ распорядками всѣхъ данныхъ случайностей...

Какъ бы тамъ ни было, а лицо, столь искусно руководившее дѣйствіями этой дерзкой вольницы на низовьяхъ рѣки Волги, дѣйствіями наводящими на всѣхъ и на вся панику, такъ и осталось не объяснимой тайной во все время существованія этой шайки...

Отличительною же чертою этой безымянной вольницы, дѣйствовавшей то въ открытомъ морѣ, то въ глухой степи, то въ берегахъ Волги, была безспорно еще ея непремѣнная увѣренность въ успѣхѣ предпріятія. И не было примѣра, чтобы она когда нибудь и гдѣ либо ошиблась въ своемъ дѣлѣ и потеряла, такимъ образомъ, свой отъявный авторитетъ, какъ въ глазахъ самихъ себя, такъ же и во мнѣніи тѣхъ, кого она прибирала къ своимъ рукамъ, не гладила по головкѣ, какъ остриженныхъ барановъ,—въ которыхъ уже для нихъ мало было пользы, не было никакого интереса, совсѣмъ не видно было ничего привлекательнаго, цѣннаго и дорогого...

Хотя со времени покоренія Іоанномъ Грознымъ всѣхъ приволжскихъ татарскихъ царствъ

и прошло уже до описываемой нами эпохи болѣе ста лѣтъ и русская торговля на Волгѣ за это время развилась настолько широко, что всѣ судовладѣльцы наши стали тогда называть эту рѣку «матушкой-кормилицею», но покоя еще на этомъ водномъ пути для всего торговаго сословія отъ мѣстной грабительской вольности все таки же не было никакого. И она, вольница эта, говорю я, такъ была дерзка, нахальна, неугомонна, что ее, какъ мы видѣли, одновременно можно было усматривать и на рѣкѣ, и въ степи, и въ городахъ, промышляющею торговлей и сбывающею все награбленное ею имущество. Производить это ей легко было тогда потому, что она, награбивъ даннаго товара въ одной странѣ Волги, отправлялась сбывать его въ другую.

Во всемъ здѣсь была видна и опытная и властная рука. Она направляла людей по тому пути ихъ жизни, по которому имъ никогда не могли повстрѣчаться ни шипы, ни терніи...

Однажды ночью, эта шайка, освѣдомленная своимъ агентомъ, прискакавшимъ къ ней

верхомъ изъ Астрахани съ извѣщеніемъ о томъ, что изъ этого города вышелъ вверхъ по Волгѣ большой караванъ судовъ съ персидскими товарами, предназначенными для Москвы, напала на эти суда днемъ раньше, чѣмъ того здѣсь ожидали, и потому произвела на всѣхъ небывалую панику, хотя люди тѣ и знали, что имъ ночью слѣдующаго дня придется проходить мимо опаснаго мѣста, гдѣ кто-то пошаливаетъ. Но каково же ихъ было удивленіе, когда это мѣсто оказалось на цѣлый день ближе къ нимъ по своему разстоянію. И тѣмъ ужаснѣе это было ихъ неожиданное положеніе въ этомъ мѣстѣ уже потому, что они и не знали ни его расположенія, ни того, что куда могли уйдти злодѣи и можно ли было учинить погоню за ними, такъ какъ не зная всего этого, можно было снова налетѣть на новую засаду и быть разбитымъ въ конецъ...

Схватка же на судахъ каравана съ вольницею рѣки Волги была ужасная. Она завязалась уже въ то время, когда злодѣи тихо заползли на палубы судовъ и подкравшись къ людямъ, начали вязать ихъ. Бы-

строта этого дѣйствія была изумительная. Не прошло и двухъ минутъ времени съ того момента, какъ вольница была замѣчена на судахъ, уже все дѣло было покончено: люди перевязаны, товаръ выбранъ и казна вынесена. Каждый изъ этихъ мрачныхъ гостей каравана, какъ бы заранѣе зналъ, что ему придется здѣсь совершить, гдѣ побывать и чѣмъ ознаменовать свое присутствіе въ этомъ мѣстѣ. Поэтому онъ прямо направлялся къ своей цѣли и, достигнувъ ея, возвращался уже въ свое судно, на которомъ ему предназначались занятія, особаго свойства...

При схваткѣ въ этомъ караванѣ прислуги судовъ съ вольницею рѣки впервые было замѣчено, какъ нѣкоторая прислуга на судахъ нападала на своихъ же и потомъ, свершивъ свое дѣло, исчезала на суда вольницы...

Разграбленный такимъ образомъ караванъ былъ оставленъ ночью въ пути безъ всякихъ средствъ къ защитѣ собственныхъ животовъ и безъ малѣйшаго намѣренія преслѣдовать вольницу. А эта, между тѣмъ, пройдя однимъ изъ рукавовъ Ахтубы въ море, засѣла тамъ въ камышахъ на отдыхъ. Потомъ уже она,

оправившись нѣсколько отъ удачи, направилась въ степь торговать награбленнымъ въ этотъ разъ товаромъ. Обмѣнное же сырье, полученное тамъ вольницей на свой товаръ, было сбываемо ею въ Астрахани, гдѣ она, какъ и всѣ промышленныя группы, также имѣла право своего пребыванія...

Такъ всегда прятались концы въ воду, такъ никогда и ни чѣмъ не могла быть уязвлена эта шайка безымянной вольницы. А совершала эта шайка свои нападенія на суда, обыкновенно, тихо, безмолвно, заблаговременно выслушавъ свою команду разъ на всегда и болѣе ее не ожидая никогда при этомъ дѣлѣ. Всѣ члены шайки, при всѣхъ схваткахъ на караванахъ, были облечены въ кольчуги на туловищѣ и въ металлическіе шлема на головахъ, причемъ на лица ихъ спускались желѣзныя забрала. Эта желѣзная одежда вольницы всегда спасала ее отъ смертельныхъ ударовъ, наносимыхъ ей прислугою караванъ. И не было случая, чтобъ эта вольница, при схваткѣ съ людьмм, защищавшими себя отъ ея нападенія, когда либо оставила на мѣстѣ сраженія трупъ своего раненаго

или убитаго товарища. Это также спасало шайку отъ ея преслѣдованія, ибо ни одинъ изъ ея членовъ никогда ни кому не попадался въ плѣнъ судовой прислуги, какъ предметъ, по которому можно было бы уже доискаться и до остального.

Словомъ, эта безымянная шайка пріобрѣла на Волгѣ прозвище «желѣзной» отъ ея неуязвимости. Молва о ней въ народѣ ходила разная. Легендъ всякихъ существовало въ устахъ этого народа о шайкѣ множество. Разсказывали о ней всякія похожденія. Существовалъ слухъ, что она будто бы была въ персидскомъ государствѣ, видѣла тамъ царя царей и получила отъ него въ награду такой цѣнный подарокъ, о которомъ даже и разсказывать то страшно было... А подарокъ этотъ шайка получила за то, что она на глазахъ самого царя совершила страшное чудо, отъ котораго всѣ мѣстные люди бѣжали и говорили другъ другу «чуръ меня», «чуръ меня».—А межъ тѣмъ атаманъ этой шайки, по прозвищу Ясакъ, живущій теперь гдѣ-то за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ инъ-иномъ государствѣ

и распоряжающійся оттуда своими людьми, живущими на Волгѣ въ этой вольницѣ, взялъ да однимъ разомъ и покончилъ съ этимъ персидскимъ чудомъ. Чудо же то былъ стоглавый змѣй, сто лѣтъ жившій въ персидской пещерѣ и сто человѣкъ въ день съѣдавшій за однимъ обѣдомъ. Томился страшно этимъ злымъ геніемъ царь царей и, видя, что его государство таетъ отъ пожиранія чудовищемъ людей, сталъ кличъ кликать на весь міръ, чтобъ кто нибудь тамъ отыскался, какой ни на есть богатырь, да, придя въ персидскую землю, уничтожилъ бы это стоглавое чудовище.

И вотъ на этотъ-то кличъ царя-царей и откликнулся одинъ добрый молодецъ, изъ вольной-вольницы съ Волги происходящій и, прибывъ предъ ясныя очи персидскаго владыки, сказалъ ему: а что ты мнѣ дашь за то, что я уничтожу у тебя пещернаго, твоего звѣря?

— А что хошь, говоритъ, то и возьми, только избавь меня отъ этого чудовища.

— Ну ладно, молъ, говоритъ добрый молодецъ, я свое дѣло сдѣлаю, только смотри и ты не отказывайся отъ своего слова.

— Да, ужъ, ты будь безъ сомнѣнія, отвѣчаетъ царь царей,—я свое царское слово сдержу, только ты мнѣ услугу свою великую окажи.

И вотъ добрый молодецъ взявъ свой мечъ булатный, копье стально и, надѣвъ на себя всѣ рыцарскіе бранные доспѣхи—шлемъ и латы—и перекрестясь на востокъ,—такъ какъ онъ былъ православный,—пошелъ въ пещеру къ треклятому чудовищу. А за нимъ шли и сто человѣкъ жертвъ змѣя, въ случаѣ, если его не уничтожатъ, а только раздразнятъ, такъ чтобъ поспорнѣе ему, значитъ, глотку то заткнуть, такъ вотъ этихъ то людей къ нему и погнали. Стонъ и скрежетъ зубовный между этими людьми шелъ во всю дорогу. Всѣ они плакали, рыдали,—знать имъ ни кому, вишь, нежелательно было попасть въ пасть то этого кровожаднаго чудовища. А добрый молодецъ все ихъ утѣшаетъ, да говоритъ, чтобъ они, значитъ, не безпокоились, потому что онъ навѣрное покончитъ съ ихъ чудовищемъ и дастъ имъ свободу.

Такъ вотъ онъ, наконецъ, пришелъ въ пещеру.

— Здорово, говоритъ, добрый молодецъ своему сопернику.,.

А тотъ на него поднялъ голову, зашипѣлъ да и хотѣлъ было схватить въ свою пасть.

— Но, нѣтъ, говоритъ, нашъ православный братъ крѣпокъ для твоихъ зубовъ, и, размахнувшись мечемъ, онъ цапъ его по шеѣ— и отрубилъ голову. Потомъ уже другую, третью, и такъ пошелъ крошить одну за другой и всѣ ихъ скосилъ.

Въ поданныхъ царя-царей только ахи, да охи раздавались, удивленіе, да ужасъ, а нашъ молодецъ все коситъ да коситъ одну за другой вытянутыя кверху, точно нарочно для того подставленныя, длинныя головы чудовища. Такъ онъ всѣ ихъ и скосилъ своимъ мечемъ булатнымъ. А потомъ, обратясь къ людямъ, онъ сказалъ: вотъ вы нехристь какая! пришли сюда всѣ въ пасть чудовища, а я вамъ жизнь дарую. Такъ вѣруйте же въ Бога живого и тогда вамъ счастье будетъ на землѣ...

А потомъ нашъ добрый молодецъ пошелъ къ царю-царей.

— И что говоритъ тотъ,—покончилъ съ моимъ врагомъ?

— Покончилъ, говоритъ добрый молодецъ.

— Ну чего бы ты захотѣлъ отъ меня за эту услугу?

— Да, вотъ чего, смѣло говоритъ нашъ добрый молодецъ! ни камней самоцвѣтныхъ, ни жемчуга бѣлаго, ни злата драгоцѣннаго, а есть у тебя ни то лисица, ни то красная дѣвица, ни то пушистая куница, царевной по твоему прозывается, такъ вотъ ее-то ты мнѣ и отдай.

Задумался царь! Какъ же говоритъ такъ? Единственную-то мою дочь, да отдай такъ не вѣсть кому? Такъ нельзя...

— А слово твое, царь?—сказалъ добрый молодецъ

— Слово мое,—говоритъ, я сдержу, только не на единоутробной моей дочери.

— А если такъ, говоритъ, нашъ молодецъ—такъ я съ тобой сдѣлаюсь! И махнувъ мечемъ въ воздухѣ, онъ скрылся отъ него.

Въ ту же ночь онъ приходитъ ко дворцу царя-царей и приноситъ всѣ сто головъ того чудовища, котораго только-что обезглавилъ въ пещерѣ. Увидя это, вся прислуга царская

страшно перепугалась и, разбѣжавшись въ разныя стороны, оставила одного добраго молодца хозяйничать во дворцѣ. Онъ, пробравшись въ теремъ царевны и, взявъ ее сонную на руки, вынесъ на берегъ моря и положилъ въ свой корабль.

Съ тѣхъ поръ этотъ добрый молодецъ живетъ на морскомъ берегу въ своемъ хрустальномъ дворцѣ и оттуда производитъ свои распоряженія по этой дикой вольницѣ, которая подъ его могущественной защитою дѣйствуетъ такъ давно и ловко на всемъ нижнемъ теченіи рѣки Волги.

Такова была легенда одной версіи объ атаманѣ этой безымянной шайки, наводящей собою страхъ на все привольное населеніе...

Страхъ этотъ придавалъ вольницѣ больше смѣлости и она стала держать себя значительно свободнѣе, дѣйствовать вездѣ открыто. Поэтому она основала на Волгѣ свой операціонный пунктъ и стала отсюда предъявлять свои права къ купцамъ, владѣльцамъ судовъ, на ихъ имущество...

Это-то вотъ ее и погубило... Скромность и любовь къ человѣку вездѣ нужна...

На Волгѣ утесъ.

VI.

На Волгѣ утесъ.

Прежде на этомъ мѣстѣ было очень тихо, пустынно, никого не видно изъ людей на многія, не обозримыя пространства, и лишь одна зыбкая стихія бурной въ этомъ мѣстѣ рѣки Волги по временамъ, нарушая окрестный покой, шумно билась о каменистый горный берегъ рѣки и, какъ будто бы просясь въ сердце матери природы, стучала въ грудь ея своимъ холоднымъ, но кипучимъ подъ напоромъ свѣжаго вѣтерка, волнующимся ударомъ...

Берегъ Волги въ этомъ мѣстѣ очень высокъ, каменистъ, поросъ лѣсами сѣверныхъ породъ и имѣетъ дикій, необитаемый видъ, напоминающій собою какой-либо изъ океа-

ническихъ острововъ, на которомъ никогда нога человѣческая не бывала, рука культуры его не косалась, не причесала временемъ цивилизаціи, не положила на немъ обликъ благообразія, приглядности и опрятности. Даже дикій звѣрь здѣсь никогда постоянно не живалъ, а такъ бывало на перепутьи отдохнетъ тутъ, да и дальше помчится, какъ испуганный, какъ бродячій пустынникъ, никого изъ себѣ подобныхъ видѣть не желающій, а такъ всегда живущій самъ съ собою, себя одного видящій, о себѣ одномъ думающій—гадающій, какъ ему прожить на бѣломъ свѣтѣ, какъ пропитаться, какъ дотаскать до гробовой доски свою собственную персону. Не останавливалась здѣсь также никогда на постоянное свое житье и вольная птичка небесная, находя тутъ для себя мало утѣхи, мало природной красоты, гдѣ совсѣмъ нѣтъ того, что одухотворяетъ жизнь пернатаго царства, что заставляетъ его вѣчно пѣть свои тремольныя рулады, вѣчно веселиться съ самой матерью природой на вѣчной ея веснѣ, на вѣчномъ блескѣ цвѣтовъ ея, зелени лѣсовъ и луговъ. И такъ было присядетъ эта птичка

на минутный отдыхъ во время ея перелета съ юга на сѣверъ и обратно, почирикаетъ почирикаетъ одиноко, да и вновь полетитъ въ непроглядную даль, ища тамъ для себя болѣе уютнаго пріюта, чѣмъ этотъ угрюмый, каменный, не гостепріимный, совсѣмъ одичалый въ своемъ одиночествѣ на пустынномъ берегу рѣки крутой горосклонъ.

Волга въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ быстрый уклонъ влѣво и съ юго-запада начинаетъ удаляться на востокъ, ко взморью, не оставляя за собою здѣсь ничего кромѣ одного крутого изгиба, напоминающаго собою гигантскую дугу, верхнимъ своимъ изгибомъ положенную въ этомъ мѣстѣ. Но видъ отсюда получается на рѣку восхитительный. Обѣ стороны Волги съ этого берега хорошо видны на цѣлые десятки верстъ впередъ. Въ стратегическомъ отношеніи настоящій пунктъ имѣетъ свое высокое значеніе. Для знатока военнаго дѣла онъ представляетъ собою не оцѣненный даръ природы, лучше котораго для наблюденій за своимъ непріятелемъ трудно было бы и подыскать гдѣ-либо въ этихъ дикихъ мѣстахъ.

Можетъ быть съ этой цѣлью и безъимянная шайка вольницы на Волгѣ избрала его подъ конецъ своего существованія здѣсь постояннымъ мѣсто-пребываніемъ. Впрочемъ, это было только такъ, номинально на самомъ же дѣлѣ шайка здѣсь никогда не пребывала болѣе нѣсколькихъ часовъ времени; она постоянно находилась въ движеніи по Волгѣ и всегдашнимъ ея мѣстопребываніемъ было лоно всей рѣки и тѣ суда, на которыхъ она плавала. А берегъ этотъ былъ ею избранъ такъ, какъ удобный обсерваціонный пунктъ для наблюденія за движеніемъ по рѣкѣ торговыхъ и другихъ какихъ-либо судовъ, если они повстрѣчались здѣсь когда-нибудь. Постоянными же жителями на этомъ берегу были только два-три смѣнныхъ черезъ извѣстный промежутокъ времени человѣка, оставляемые здѣсь для охраны мѣстности и товарныхъ складовъ помѣщающихся въ пещерахъ горъ. При нихъ же находилась постоянно и одна быстроходная косовая лодка съ парусами и веслами. Она плавно покачивалась въ маленькомъ заливчикѣ рѣки, углубившемся въ берегъ такъ уютно, что

лодки этой съ Волги никогда не было видно. Сами-же владѣльцы этой косовой, то мирно работали что-то въ горѣ, то выѣзжали иногда на рѣку покататься подъ пріятнымъ и крѣпкимъ вѣтеркомъ, держащимъ паруса лодки въ напорѣ, то они занимались рыбной ловлей, то варили себѣ въ котлѣ уху изъ живой стерляди, только что ими самими наловленной въ рѣкѣ, то они иногда уходили на косовой куда-то на весь день и только къ вечеру приплывали къ своему затону на ночлегъ. Ну, словомъ они вели непостоянную жизнь. Находясь, однако, въ поминутной работѣ, они что-то производили на вершинѣ самой горы. А гора эта изображала собою гигантскую, круглую, съ усѣченнымъ конусомъ, плоскоголовую, можно сказать, башню, съ глубокой впадиной по серединѣ ея, въ которой находилось нѣчто вродѣ богатаго дома, сооруженнаго на многочисленную семью и разсчитаннаго такъ, чтобы постройка вся цѣликомъ утопала въ этой впадинѣ или котловинѣ и не была-бы видна ни откуда для посторонняго взгляда. Изъ дома этого въ горообразную башню или башнеобразную гору

былъ устроенъ подземный ходъ на нѣсколько десятковъ саженъ внизъ, къ лону рѣки, и онъ былъ направленъ къ тому маленькому заливчику, въ которомъ постоянно колыхалась на водѣ косовая лодка. Входъ этотъ въ подземелье былъ задрапированъ со стороны рѣки густымъ орѣшникомъ и отвѣсными камнями, висящими надъ нимъ въ видѣ карниза. Словомъ, это мѣсто изображало собою боевую башню, съ подземнымъ ходомъ изъ нея къ рѣкѣ за водою, нужною въ домѣ. Такъ что всякое движеніе человѣка здѣсь съ рѣки никогда не могло быть видно и присутствіе его вообще тутъ никогда не было замѣтно. Это-то вотъ мѣсто и называется теперь на Волгѣ «утесомъ».—Но что тутъ утеспстаго-то, я, право, и не знаю. Мѣстность эта хотя и дикая, какъ говорю я, но она кругомъ поросла лѣсомъ. Тутъ утесистаго-то, какъ это понимается въ іоническомъ архипелагѣ, напримѣръ, гдѣ утесами называются голые камни, вертикально выходящіе изъ воды моря къ небу гигантскимъ перстомъ, какъ *утесаные* нарочно бруски, ничего не было... Но не въ этомъ, впрочемъ, дѣ-

ло. Вся суть здѣсь въ томъ, что «утесъ» этотъ былъ занятъ впослѣдствіи безымянною волжской шайкою. Прямой цѣли этого занятія никто не зналъ, но носились слухи, что атаманъ шайки, вѣчно живя на судахъ своихъ на Волгѣ, здѣсь захотѣлъ схоронить всѣ свои немалочисленныя, накопленныя имъ за нѣсколько лѣтъ разбоемъ и торговлей въ степи и въ городахъ, богатства, Но были-ли эти богатства здѣсь схоронены,— ни кто не знаетъ, да и знать того не можетъ, хотя, какъ говоритъ пословица, огня безъ дыма не бываетъ, также и молвы безъ правды не случается. Ужъ если есть такой слухъ въ народѣ, такъ стало быть онъ на чемъ нибудь да основанъ.

Ну, словомъ здѣсь шайка облюбовала себѣ постоянный притонъ. Вотъ имъ-то она себя и выдала... Тогда какъ прежде, вѣчно живя на судахъ и на рѣкѣ, она ни кому не была извѣстна и составляла собою для всѣхъ вѣчную загадку... Но избраніе этого стратегическаго пункта шайкою еще было связано и съ тѣмъ, что атаману ея, наскучивъ жить въ низовьяхъ Волги, захотѣлось уже побывать

и въ верховьяхъ ея. Особенно же онъ много былъ наслышанъ отъ бурлаковъ, попадавшихъ къ нему въ шайку, послѣ ограбленія имъ купеческихъ судовъ, что тамъ подъ Симбирскомъ есть краса-красотъ природы, называемая «Жегулевскіе горы». Вотъ на эту то красу природы атаману и захотѣлось посмотрѣть, да можетъ быть и пріискать для себя въ этихъ горахъ уютный пріютъ для жизни.

Но этотъ походъ въ Жегули шайка еще совершила не сразу. Она сначала должна была подробно развѣдать обо всемъ такъ, какъ ей тамъ можно будетъ сокрываться отъ преслѣдованія бдящаго за нею ока и можно ли вообще это дѣлать, находясь вдали отъ моря и отъ вѣчно зеленѣющихъ тамъ тростниковъ, въ которыхъ мелкія суда разбойниковъ всегда находили себѣ тихій и вѣрный пріютъ, вполнѣ безопасное пристанище. И для того, чтобы развѣдать подробно, какова можетъ быть жизнь въ Жегуляхъ, разбойники послали туда своихъ піонеровъ на трехъ косовыхъ лодкахъ.

А такъ какъ разстояніе это, которое они

должны были пройдти подъ парусами и вверхъ, по водѣ противъ теченія рѣки, равнялось полутора тысячамъ верстамъ въ оба конца, то развѣдчики и проплавали туда цѣлое лѣто.

Межъ тѣмъ шайка у волжскаго утеса дѣлала свое дѣло. Собирая открыто дань съ купеческихъ судовъ, она становилась людямъ болѣе или менѣе извѣстною. Но руководителя ея, однако-же, ни кто не зналъ. Да и въ шайкѣ-то его по имени также никогда не величали, а такъ все атаманъ да атаманъ... И знали еще, что у него есть съ собой какая-то царевна, но какая именно, тоже ни кто ее по имени не зналъ. А такъ царевна, да царевна, да и все тутъ. Допытываться же изъ разбойниковъ ни кто этого не хотѣлъ, да имъ къ тому-жъ и дѣла-то до того было очень мало. Вся ихъ забота сосредоточивалась лишь на добычѣ—вотъ и все дѣло. А тамъ, кто у атамана пребываетъ, да какъ ее по имени величаютъ—имъ до того не было никакого дѣла. Вотъ и весь сказъ. А разъ кто-то было надумалъ объ этомъ полюбопытствовать, такъ атаманъ ему

такъ сказалъ, что онъ въ другой разъ и не захотѣлъ уже того знать.

Вотъ какъ стояло здѣсь все дѣло, вотъ какъ атаманъ смотрѣлъ на это праздное любопытство.

— Ну вы у меня здѣсь не для того существуете, чтобы въ душѣ моей копаться, а для того, чтобъ, значитъ, пользу дѣлу приносить, сказалъ атаманъ и пригрозилъ ему ссылкою...

А ссылкою у него называлось значитъ въ рѣку съ борта спустить...

— Вотъ навяжу камень на шею, да и былъ таковъ! добавилъ атаманъ.

А такъ какъ вольница боялась его, да притомъ же и дорожила вниманіемъ начальства, какъ человѣка умнаго, сильнаго и рѣшительнаго, то она и помалкивала обо всемъ и не входила ни въ какія сердечныя дѣла атамана. Одного свиста его бывало достаточно, чтобъ всѣ люди встрепенулись и стали бы передъ нимъ, какъ листъ передъ травой... Вотъ онъ какой былъ, этотъ атаманъ-то. А волжская вольница свое начальство любила. Особенно, если она въ немъ

видѣла богатыря человѣка. А этотъ атаманъ именно былъ такимъ. Ну для нея значитъ, этого, и было вполнѣ достаточно,

Прищелкнетъ онъ бывало этакъ пальцемъ по пальцу, да и скажетъ: ну, ребята! мы засидѣлись, пора намъ и за дѣло,

— А что жъ намъ!.. отвѣтятъ тѣ, — мы всегда готовы, приказывай только.

Вотъ какъ стояло у нихъ дѣло, вотъ какъ эта вольница любила своего атамана. А тамъ до чего-либо иного прочаго, имъ не было никакого дѣла.

— Вся наша задача лишь въ послушаніи, говорила вольница,—что намъ прикажутъ, то мы и должны сдѣлать.

Послушаніе здѣсь было прежде всего.

— Безъ послушанія начальству, какой же мы прокъ можемъ принести своему дѣлу, говорила вольница?—знамо дѣло никакого. А потому значитъ и слушаться должны своего атамана во всемъ. Онъ намъ никогда никакого вреда не пожелаетъ. Онъ у насъ отецъ родной. Вотъ, вѣдь, онъ какой молодецъ! Какъ же онъ о насъ заботится?.. И пѣсни

особыя для насъ сложилъ. Ну-ка ребята грянемъ что ли «внизъ по Волгѣ рѣкѣ»!..

И запоетъ бывало вольница свою любимую пѣсню и заглушитъ въ себѣ всѣ бури и страсти!.. Только лишь стонъ раздается по рѣкѣ, только лишь эхо отвѣчаетъ имъ съ противуположнаго горнаго берега рѣки. И такъ бывало льется эта пѣсня надъ бушующими волнами Волги всю ночь отъ зари и до зари.

— Безъ веселья нѣтъ жизни, говорилъ атаманъ, — а какъ споемъ это свою любимую... Ну значитъ все на сердцѣ такъ какъ рукой и смахнетъ у тебя! Такъ какъ бы съ тобой, значитъ, никакого горя это никогда не живало, не бывало, душу твою не томило.

А особенно эти пѣсни часто распѣвались на утесѣ, откуда весь гулъ ихъ изъ котловины, гдѣ вольница жила, уходилъ кверху, въ небо, не оставляя на землѣ никакого звука отъ себя.

По пировать-же, притомъ и повеселиться у вольницы всегда было достаточно времени. По долгу находясь внѣ дѣла, она только и зна-

ла, что веселила душу свою пѣснями, развлекала себя широкимъ раздольемъ на просторѣ великой русской рѣки, матушки Волги. Сколько она отъ нихъ слышала этого разгула, сколько она усвоила себѣ ихъ бурнаго потока въ жизни, какихъ рѣчей, вольныхъ мыслей она не наслушалась отъ нихъ на свободѣ, сколько жертвъ было ею принято отъ нихъ, какой вольности она отъ этихъ свободныхъ людей не воспріяла, какихъ только бѣдъ, ими сотворимыхъ, она не видѣла! О, всего этого не перечесть. Да, она и не могла бы намъ повѣдать того, что видѣла, что слышала отъ нихъ... Они потому и выбрали ее своей порукой, что она была молчалива также долго, во вѣкъ, какъ и была бурна на нескончаемыя времена!..

Въ Жегуляхъ.

VII.

Въ Жегуляхъ.

Но вотъ насталъ моментъ въ жизни волжской вольницы, безымянной шайки, когда она должна была распрощаться со своимъ широкимъ раздольемъ въ низовьяхъ рѣки, на морѣ Хвалынскомъ, и двинуться со всей своей вольной-волюшкою вверхъ по матушкѣ по Волгѣ, въ Жегули, гдѣ она разсчитывала устроиться также хорошо, весело и шумно, какъ она жила до сихъ поръ въ нижнемъ плесѣ рѣки, столь долго для нея бывшемъ гостепріимнымъ, скрывавшимъ всѣ концы ея дѣяній въ воду.

Покидая на время волжскій утесъ, вольница собрала въ его маленькой гавани въ извѣстный, назначенный атаманомъ часъ всю

свою небольшую флотилію, состоявшую изъ нѣсколькихъ косовыхъ лодокъ, когда-то вмѣстѣ съ товаромъ отобранныхъ разбойниками у волжскихъ купцовъ и, снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ провіантомъ и снастями, и также и оружіемъ, хранящимся здѣсь въ подземельѣ волжскаго утеса, направила въ верховья рѣки Волги...

Флотилія разбойниковъ шла не спѣша, отрядами, по два, по три судна въ рядъ, имѣя въ центрѣ своемъ корабль атамана, а на разстояніи двухъ, трехъ верстъ другъ отъ друга. Чтобъ не подавать ни кому никакого повода думать о себѣ что-нибудь подозрительное тѣмъ людямъ, которые могли-бы имъ повстрѣчаться на рѣкѣ, они шли только по ночамъ и подъ черными парусами или подъ легкою бичевой, если на рѣкѣ не было вѣтра, но ни какъ не подъ веслами, производящими шумъ отъ плеска воды подъ ударами ихъ. Дни-же всѣ вольница проводила въ рѣчныхъ заливахъ, вдали отъ теченія Волги, и предавалась отдыху. Нападеній на торговыя суда во время этого движенія вольница не производила никакихъ, потому что она

не хотѣла давать о себѣ знать раньше времени въ сихъ новыхъ для нея...

Движеніе, такимъ образомъ, впередъ вольница дѣлала весьма медленно. Но на дневныхъ пріостановкахъ она вела себя тоже осторожно: огонь разводила для варки пищи только подъ хвойнымъ шалашомъ, сдѣланнымъ изъ сучьевъ свѣжей сосны и ели, чтобы дымъ, проходящій черезъ зеленую хвою, очищался въ ней и не выходилъ-бы въ пространство густыми тучами и вообще темными массами, обнаруживавшими тѣмъ присутствіе людей въ данномъ мѣстѣ...

Правда, эта предосторожность въ то время была совершенно излишняя, потому что Волга тогда была въ низовьяхъ ея мало населена близь береговъ, потому во-первыхъ, что лѣвое побережье рѣки, какъ поемное, во время разливовъ весною заливаемое на далекія пространства въ сторону совсѣмъ не было доступно для поселенія, а горный берегъ, какъ очень высокій и каменистый, тоже не вездѣ и не часто привлекалъ къ себѣ поселки только однихъ рыболововъ, будучи совершенно непригоднымъ для земледѣльче-

скаго класса людей, за отсутствіемъ тутъ какой-либо удобной почвы для воздѣлыванія полей.

Но, однако, волжская вольница несмотря и на эту пустынность береговъ рѣки, все-таки же была осторожна въ своихъ движеніяхъ жизни вообше, дабы не навлечь на себя ни малѣйшаго подозрѣнія ни съ какой стороны.

Такъ, благодаря этой осторожности, волжская безымянная вольница исчезла съ низовьевъ рѣки совсѣмъ, давъ тамъ мѣстнымъ жителямъ свободу передвиженія... Проходя мимо урочнаго мѣста, называемаго «волжскимъ утесомъ», гдѣ всегда брали дань съ торговыхъ людей, послѣдніе теперь не стали болѣе подвергаться этому взысканію и удивлялись тому, что почему это такъ происходитъ. Но такое благодатное время для нихъ тянулось, однако, не очень долго. Среди жителей средняго плеса рѣки стали появляться тревожные слухи о томъ, что въ вѣчно пустынныхъ Жегулевскихъ горахъ стала замѣчаться въ послѣднее время какая-то не ясная, странная, еще не опредѣленная, правда, ни кѣмъ тревожная жизнь; что были слу̀чаи

нападенія какой-то вольницы на здѣсь проходившія торговыя суда. Но все это, правда, такъ смутно, не ясно, точнаго представленія о томъ пока еще никакого нельзя было вынести изъ этихъ слуховъ. И тѣмъ болѣе, что все это происходило такъ тихо, не извѣстно въ какихъ мѣстахъ и, что главное, безъ потери людей. Правда, эта безымянная вольница всегда держалась того принципа въ своихъ дѣйствіяхъ даннаго вида, чтобы ограничиваться всегда и вездѣ только однимъ перевязаніемъ судовой прислуги, но отнюдь не истребленіемъ ея. Этого принципа, какъ видно, у вольной, безымянной шайки, въ строгомъ смыслѣ этого слова, никогда не было...

Дойдя, между тѣмъ, до Жегулей безымянная шайка отыскала тутъ весьма удобный пріютъ для себя. Она первоначально помѣстилась со всѣмъ своимъ мелкимъ флотомъ изъ косовыхъ лодокъ состоящимъ въ одномъ изъ небольшихъ рукавовъ рѣки, проходящемъ луговой, лѣвой стороною Волги, въ лѣсистой мѣстности, совсѣмъ закрытомъ для доступа сюда посторонняго взора; а въ

горахъ его было подыскано темное ущелье съ каменистымъ гротомъ, уходящимъ въ центръ горы на нѣсколько саженъ растоянія. Это послѣднее мѣсто для вольницы было важно уже въ томъ отношеніи, чтобы здѣсь имѣть для себя складочный пунктъ для всѣхъ ея матеріаловъ и товаровъ, награбленныхъ съ судовъ.

Выходя по ночамъ на добычу, вильница по обыкновенію держалась старой своей системы дѣйствія работать на атакуемыхъ ею судахъ молча, безъ команды, чтобы не тратить даромъ время на ненужные распорядки, которые у нея всѣ были обдуманны заблаговременно и изучены каждымъ изъ людей въ полномъ совершенствѣ.

Тѣмъ болѣе, это было легко для вольницы такъ дѣлать еще и потому, что она имѣла среди себя все уже испытанныхъ въ ея дѣлахъ людей и слѣдовательно никогда и ни въ чемъ, при нападеніяхъ на суда ненуждавшихся ни въ какихъ данныхъ, мелкихъ указаніяхъ.

Вообще, эта вольная рать волжской безымянной шайки была строго дисциплинирована,

знала свое дѣло очень хорошо и ни когда не давала ни въ чемъ никакого промаха. Къ истребленію судовой прислуги она только прибѣгала въ крайнихъ случаяхъ, именно въ то время, когда нападеніе было заблаговременно съ судовъ усмотрѣно, и когда людямъ ничего не оставалось болѣе, какъ вступить въ рукопашный бой. При этомъ вольница, конечно, всегда выходила побѣдительницею, какъ, потому, что она обладала всѣми необходимыми для того боевыми средствами, такъ и потому, что на ея сторонѣ было всегда численное большинство.

Но сколько вообще было людей въ безымянной шайкѣ—никто этого не зналъ, а потому и нападеніе на нее не всегда было безопасно, если бы того захотѣли для себя люди, ею ограбляемые. Безызвѣстность эта, главнымъ образомъ, происходила оттого, что изъ этой вольницы никогда не было ни какихъ дезертировъ (бѣглыхъ), черезъ которыхъ бы можно было узнать гдѣ нужно, что какъ велико общее ея число А если таковое кѣмъ либо и когда могло быть задумано, то съ такими людьми вольница расправлялась

очень скоро: съ камнемъ и въ воду. Да и вольготная-то жизнь этихъ людей, то же не давала повода дезертирства. Пользуясь всѣми благами жизни—свободой, хорошей пищей и пр.,—могли ли эти люди желать для себя чего либо иного. А притомъ еще ихъ полное равенство. Даже самъ атаманъ съ ними былъ равенъ во всемъ. Не нося другого, кромѣ общаго съ ними, костюма, онъ никогда отъ нихъ ничѣмъ не былъ отличенъ. Только одна дородность его, красота ума и лица, а также и статность, молодечество обнаруживали въ немъ что то выдающееся, выходящее изъ общей среды людей. И все это, однако, не настолько рѣзко для постороннихъ людей замѣтно, чтобы его сразу можно было отличить отъ другихъ. Нѣтъ, онъ этимъ себя никогда и нигдѣ обнаруживать не хотѣлъ, не желалъ, ибо это выходило изъ его общихъ правилъ жизни и давало бы случай не терпѣвшимъ его людямъ обнаружить въ немъ лицо, которое они давно разыскиваютъ, давно имъ интересуются...

Такой порядокъ вещей разъ на всегда атаманомъ былъ предусмотрѣнъ для себя и

онъ строго его держался, и другимъ своимъ людямъ наказалъ блюсти его не престанно. Такая осторожность въ своихъ поступкахъ всегда спасала человѣка тамъ, гдѣ личность его могла быть обнаружена и предана властямъ. Эта таинственность атамана безымянной волжской шайки еще болѣе предавала ему въ народѣ образъ страшилища всѣхъ и вся. Но вѣдь все бываетъ до поры до времени, и всему рано или поздно наступаетъ свой конецъ. Такъ оно случилось и здѣсь.

Однажды вольницѣ, наскучивъ сидѣть въ своей западнѣ въ Жегуляхъ, пришла на мысль такого рода отвага: а отчего бы имъ и не побывать въ г. Симбирскѣ, къ которому они подошли очень близко, и въ которомъ еще не побывали. Вѣдь посѣщали-же они Астрахань, думалось имъ, бывали тамъ на мѣстныхъ торжищахъ, надували они всѣхъ именитыхъ людей своихъ вымысломъ о томъ что, они купцы, ведущіе свою торговлю съ Персіею и съ другими азіатскими народами. Такъ почему-бы имъ не быть такими же вымышленными личностями и въ Симбирскѣ. И вотъ они, снарядивъ одно изъ

своихъ судовъ по купеческому образцу, отправились въ городъ. Расположившись тамъ на мѣстномъ базарѣ торговать восточными товарами, они назвались русскими піонерами, ведущими свою торговлю съ азіатскими народами. Имъ, конечно, повѣрили въ этомъ и приняли ихъ съ большимъ почетомъ. Тѣмъ болѣе, это все можно было въ то время сдѣлать такъ, потому уже, что тогда всѣ гостинные дворы городовъ на руси исключительно были открыты только для такихъ торговыхъ гостей, какъ эти, которые разъѣзжали по свѣту со своими промысловыми цѣлями, Такъ торговала волжская вольница въ Симбирскѣ довольно долго. Всѣ относились къ ней съ подобающимъ въ такихъ случаяхъ предупрежденіемъ, почетомъ, Ни кто, конечно, изъ симбирскихъ гражданъ и не могъ подозрѣвать, что они имѣютъ дѣло съ людьми не благонадежной масти. Игра эта продолжалась довольно долго. Въ городѣ было все тихо. Русскіе піонеры въ Азіи расторговались очень хорошо. Всѣ товары ихъ были распроданы. Заручившись солидными средствами, они стали собираться въ путь-дорогу. Помимо

того, что за время ихъ пребыванія здѣсь, имъ было вездѣ оказываемо самое предупредительное гостепріимство не только у обыкновенныхъ гражданъ города, но даже и у самого воеводы, который очень интересовался ихъ разсказами въ своихъ бесѣдахъ объ Азіи вообще и объ ея народахъ въ особенности, имъ еще былъ устроенъ, такъ называемый, отвальный пиръ. На немъ собрались всѣ именитыя лица города. Среди гостей также былъ и мѣстный воевода. Интересуясь пограничными Россіи народами, со стороны Азіи жившими, онъ вновь долго бесѣдовалъ о томъ съ русскими піонерами...

Выпито на этомъ пиру всякихъ романей и брагъ было не мало. Всѣ гости здѣсь почувствовали себя отягащенными винами. Также чувствовали и виновники этого торжества. Ну словомъ все обстояло благополучно. И гости Симбирска, сѣвъ на свои суда, все время поджидавшіе ихъ на струяхъ гостепріимной Волги, отправились внизъ по матушкѣ рѣкѣ и затянули свои веселыя пѣсни...

Но вотъ на утро другого дня въ Сим-

бирскѣ обнаружилось что то неладное. Богатѣйшіе дома бояръ были разграблены и казна ихъ увезена. Спохватились заѣзжихъ гостей. Но они уже были далеко въ Жегуляхъ. Тѣмъ-же временемъ волжскіе молодые, удолые гребцы, покинувъ свой пріютъ въ горахъ, стали проходить ихъ вороты (горный, узкій проходъ Волги, въ 12 верстахъ выше Самары, по направленію къ Симбирску), спускались опять внизъ по рѣкѣ, то есть, на 200 верстъ почти ниже Симбирска. Такимъ образомъ настичь ихъ уже было не особенно таки легко; на это требовалось время и энергія. Но такой волей въ данныхъ случахъ, какая была у волжской вольницы, едва ли кто могъ обладать, потому что она у нихъ вызывалась самозащитою своей собственной личности...

И такъ волжская вольница опять ушла въ свой низовый пріютъ, на волжскій утесъ и здѣсь засѣла на своей прежней засадѣ...

Персидская царевна.

VIII.

Персидская царевна.

Но недолго ей пришлось здѣсь попировать. Дни ея уже были сочтены судьбой злодѣйкою. И послѣдняя симбирская продѣлка шайки навела на мысль погоню за ней, что она именно укрылась здѣсь, на этомъ утесѣ, гдѣ прежде она открыто для всѣхъ судовладѣльцевъ грабила, а потомъ на время было замолкла, но теперь опять тутъ проявила свое дѣйствіе...

Нужно было произвести на утесъ форменную атаку. А какъ это было совершить остовалось еще атакующимъ подумать, что бы не испортить своего дѣла и не упустить изъ рукъ всѣхъ людей. Оно такъ и случилось. Узнавъ о походѣ на себя симбирской

погони, волжскіе удальцы живо снарядили свои стружки и маршъ внизъ по Волгѣ. Дойдя до моря Хвалынскаго (нынѣ Каспійскаго), они засѣли тамъ въ гостепріимныхъ для нихъ тростникахъ, будучи вполнѣ увѣрены, что ихъ здѣсь никто и ни когда не разыщетъ, да и разыскивать не рискнетъ, не станетъ. И долго они такъ томились своимъ бездѣйствіемъ, все еще опасаясь за то, что ихъ выслѣживаютъ. Чувство это ихъ нисколько не обмануло. За ними, дѣйствительно, былъ поставленъ строгій надзоръ.

Не думая, однако, о томъ, чтобъ въ Астрахани кто нибуь былъ изъ Симбирскихъ бояръ, среди которыхъ атаманъ шайки такъ достаточно таки покутилъ, онъ отправился въ городъ съ нѣсколькими своими товарищами вполны увѣренный, что ни когда и ни кѣмъ не будетъ тутъ узнанъ. И подъ этимъ-то теченіемъ буйной мысли, онъ причалилъ къ астраханскому берегу и высадился на базарной площади. Но здѣсь его скоро узнали и, подкарауливъ, рѣшились изловить.

Но атаманъ безымянной вольницы на Волгѣ былъ не изъ такихъ, чтобы могъ такъ

скоро отдаться въ руки своихъ преслѣдователей и, замѣтивъ по глазамъ, чего отъ него эти люди хотѣли, которые подкрадывались къ нему, онъ моментально ударилъ въ кинжалъ и скрылся отъ толпы...

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже взлетѣлъ на свой стружекъ, поджидавшій его подлѣ берега Волги и, оттолкнувъ его, на скоро очутился по срединѣ рѣки.

Но тутъ онъ, однако, былъ окруженъ погоней и поставленъ въ рѣшительную невозможность защищаться впятеромъ противу-цѣлой сотни людей... Но и здѣсь онъ живой въ руки не дался. Борясь до послѣдней крайности, онъ этимъ самымъ вызвалъ изъ трюма косовой лодки на бортъ ту тѣнь, которую когда-то еще въ калмыцкой степи ночью, вышедшую изъ тростника, схватилъ на руки и скрылся съ нею во тьмѣ ночи на всегда... Это была восточная красавица, одѣтая въ парчу и бархатъ. Она появленіемъ своимъ на мгновеніе остановила натискъ нападающихъ и, изумившись тѣмъ, что тутъ происходитъ, крикнула на нихъ властнымъ голосомъ: что вы дѣлаете съ нимъ?

указывая при этомъ на своего возлюбленнаго, атамана шайки, изнемогавшаго въ борьбѣ съ наступающими на него и, какъ тигрица, защищающая своихъ дѣтей, бросилась впередъ и заслонила его своей грудью.—Кто онъ? вдругъ послѣдовалъ изъ толпы нападавшихъ вопросъ, обращенный къ восточной красавицѣ.—Какъ кто? развѣ вы не знаете своего властелина?... обладателя всѣми народами здѣшнихъ степей?..

— Но какъ его имя?

Стенька Разинъ!..

Не давъ ей договорить этихъ словъ, атаманъ схватилъ ее поперекъ таліи и, при словахъ отчаянія, впервые въ жизни выкрикнутыхъ имъ такъ сильно—«а, такъ и ты меня выдавать!.» Бросилъ ее въ воду, забывъ при этомъ то, что она, обнаруженіемъ передъ ними его имени, только хотѣла спасти его, такъ какъ онъ говорилъ ей, что будто-бы онъ властелинъ здѣшней страны и все, что здѣсъ есть, ему покорно подчиняется...

— А кто она такая?! Вдругъ раздалось изъ толпы, когда восточная красавица, бы-

стро, погрузившись въ волны рѣки, исчезла на днѣ ея навсегда...

— Да, это персидская царевна, которую онъ постоянно возилъ съ собою! Крикнулъ какой-то голосъ и замеръ въ стонѣ толпы, завладѣвшей атаманомъ...

Но эта красавица была дочь калмыцкаго князька Юаты...

— Маруся и ты противъ меня! еще разъ простоналъ голосъ Стеньки въ толпѣ и замеръ навсегда...

Онъ, какъ видно, и въ лицѣ царевны своей любилъ образъ его первой любви...

Такъ закончилась въ Москвѣ на любомъ мѣстѣ жизнь этого легендарнаго домалѣйшихъ подробностей человѣка!..

С. И. Глѣбовъ (Гнѣдичъ).

КОНЕЦЪ.

Цѣна 50 коп.

Паровая Типо-Литографія (барона Кригенеръ), Лиговская, 57.

2007053180